

ЛЮБОВНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

ЕЛЕНА
АРСЕНЬЕВА

АКАДЕМИЯ
ОБОЛЬЩЕНИЯ

Елена Арсеньева
Академия обольщения
Серия «Писательница
Алена Дмитриева»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167589

Академия обольщения: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-26897-9

Аннотация

Мсть, мсть, мсть! Только она живет с недавних пор в сердце писательницы-детективщицы Алены Дмитриевой! Последняя ее поездка в Москву оказалась кошмарной – в купе поезда молодые парни-попутчики принялись издеваться над ней, насильно влили в рот полстакана коньяку, а потом... Было ли что-то потом, она не помнит. Но это не имеет значения! За унижение, за нанесенные оскорбления поплатиться придется! В память врезались кое-какие фразы, обмолвки-оговорки негодяев. Ну теперь держитесь, красавчики! Алена пойдет и на преступление, но отомстит. И мсть будет страшной!..

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

81

Елена Арсеньева

Академия обольщения

*Все события, изображенные в романе,
выдуманы, любые совпадения с
реальностью носят случайный характер.*

*Ни слова о любви!
Белла Ахмадулина*

*Женщина – слабое, незащищенное существо,
спастись от которого невозможно.
Неизвестный автор*

Она обернулась не потому, что услышала сзади шаги. И не потому, что почувствовала какое-то движение за спиной. Она просто обернулась – и голос перехватило, когда увидела эту темную высокую фигуру, полускрытую тенью. И даже крикнуть не смогла – отпрянула, прижалась спиной к двери. Лица его не было видно, и все же она узнала его сразу. – Ты меня, вижу, не ждала, – хрипловато, с усмешкой обронил он. – А зря. Неужели не могла догадаться, что рано или поздно я тебя найду?

«Как он вошел? – мелькнула ненужная, никчемная мысль. – Значит, в Театральном сквере все же был он. А потом обогнал меня, понятно... Но на двери подъезда домофон. Кто ему открыл? Или ему просто повезло – кто-то из жильцов проходил?»

Ах, да какая разница... Никакой. Но довольно часто людей, смертельно испуганных, находящихся в опасности или потрясенных чем-то, посещает целое сонмище вот таких никчемных мыслей. Им бы сосредоточиться, им бы думать только о том, как спастись, а вместо этого в голове вот такие бестолковые вопросы – как сюда попал да кто его впустил...

Что-то звякнуло внизу, и она поняла, что ключи выпали из ее вспотевших пальцев.

Он чуть присел, не сводя с нее глаз, поднял связку, сунул в карман.

«Мы что, даже в квартиру не зайдем?» – мелькнула у нее глупейшая мысль.

– Шарф у тебя... – Он запнулся. Не то кашлянул, не то усмехнулся ехидно. – Шарф у тебя красивый.

Она безвольно шевельнула губами. Ни слова не выдать, ни звука. Сил нет, ноги подкашиваются.

Он протянул руку. Она шатнулась было, но сзади дверь – не отпрянуть, не ускользнуть.

Его пальцы чуть смяли шарф, открывая горло. Прохладные пальцы коснулись горячей кожи, и ее затрясло.

– Дрожишь, – сказал он задумчиво. – Боишься меня, да?

Она не нашла сил даже кивнуть. Прижалась затылком к двери и закрыла глаза.

Ну, все. Попалась.

Доездилась, как сказал бы...

Она не могла вспомнить, кто так говорил.

* * *

Может быть, кому-то когда-то где-то почему-то и нравилось ездить по железной дороге, однако Алёна Дмитриева сей процесс не слишком-то любила. Особенно рейсом Нижний Новгород-Москва. Она предпочитала самолеты рейса Москва-Париж. Но легко догадаться, что второе невозможно без первого. То есть ей, чтобы улететь в Париж, нужно сначала доехать до Москвы.

Нет, разумеется, существует авиакомпания Люфтганза, которая настолько любезна, что берет на себя труд осуществить рейс Нижний Новгород-Париж через Франкфурт-на-Майне. Но позволить себе летать Люфтганзой способен, мягко говоря, не каждый. А если говорить грубо, уж очень дорогое удовольствие – пользоваться ее услугами. Даже слишком дорогое. Летать в Париж через Москву рейсами Эр Франс или Аэрофлота тоже, знаете ли, не так чтобы совсем недешево, но все же можно поднапрячься ради столь высокой (как в буквальном – самолет как-никак поднимается в небеса! – так и в переносном смысле) цели. Зато ненадолго

спрятать в карман свою жесточайшую неприязнь к железнодорожному транспорту.

Алёне Дмитриевой приходилось проделывать этот путь как минимум раз в год. Потому что она – вот счастливица, да? – как минимум раз в год ездила в Париж, где жила ее подруга. То есть если бы ей приходилось наезжать в Москву только раз в год, она бы себя истинно считала счастливицей. Однако в Москве находилось издательство «Глобус», где печатались романы Алёны Дмитриевой...

Ну да, представьте себе, она была писательница! И чего только она не понаписала в своей жизни... Детективы, дамские романы, исторические романы... Честное слово, некая Елена Дмитриевна Ярушкина иногда почти с ужасом поглядывала в зеркало, где отражалась писательница Алёна Дмитриева. Но это уж личные дела двух названных дам, которые с трудом уживались в одном лице, в одном теле, в одной квартире... В одном флаконе, выражаясь фигурально.

Впрочем, не про то речь. Собственно, речь-то шла всего лишь о том, что по издательским делам писательнице Дмитриевой срочно понадобилось отправиться в Москву – причем именно столь нелюбимым ею железнодорожным транспортом. И она явилась на вокзал брать билет. Вообще-то, чтобы сократить процесс общения с РЖД до минимума, она уезжала обычно утренним поездом – отправление из Нижнего Новгорода в 06.11, прибытие в Москву в 11.00 на Курский вокзал. Всего пять часов в дороге, поезд дешевле прочих, и

в нем веселенькие такие сидячие вагоны. Однако на сей раз Алёне не повезло. Кассирша только вздохнула тяжело:

– Ну что вы, девушка!

Да-да, Алёну иногда называли девушкой, хотя она была уже дамой, выражаясь изысканно, постбальзаковского возраста. А на Мытном рынке в Нижнем продавщицы столь любимой писательницей квашеной капусты-одноразовки и прочих домашних солений вообще звали ее доченькой. И это при том, что были ненамного ее старше, а то и вовсе ровесницами! С другой стороны, тетки из пригородов и деревень – потрясающие психологи. Ну у какой женщины вышеуказанного возраста сердце не растает, если ее вдруг назовут доченькой? И ручка «доченьки» тут же охотно потянется к кошельку...

Впрочем, мы несколько отвлеклись. Речь не о продавщицах с Мытного рынка, а о кассирше с Московского вокзала, которая снисходительно взглянула на Алёну и вздохнула тяжело:

– Ну что вы, девушка! Сидячий вагон, главное... И купейные-то все разобраны! Завтра же понедельник. Какие вообще могут быть билеты на завтра в Москву?!

– Черт, как же я забыла! – сокрушенно нахмурилась Алёна.

В самом деле: очень много нижегородцев работает в Москве. Многие едут туда в командировки. Поэтому в пятницу вечером все поезда из столицы набиты под завязку, и

аналогичная ситуация возникает в воскресенье вечером или в понедельник утром. Билеты покупаются о-очень заранее. Разумеется, не в воскресенье утром.

Но Алёна просто-напросто забыла про эти несчастные билеты. Причина была уважительная – она дописывала роман. Тот самый, за который ей должны были заплатить некоторые деньги. Собственно, за деньгами она и ехала в Москву. В издательстве то и дело грозили перевести все расчеты на безналичку, но пока наполеоновские планы не осуществились, а потому авторы то и дело ломились в тесную каморку на первом этаже, где размещалась касса. И находили в этом массу удовольствия! Вернее, масса у каждого была своя... в зависимости от тиража произведения, объема, раскупаемости и прочих привходящих факторов, которые отлично известны всем, кто имеет дело с издательствами, и совершенно неинтересны подавляющему большинству читателей. Последним ведь главное, чтобы книжка была хорошая. И они, вообразите, совершенно правы!

– Как же я забыла... – повторила Алёна печально. – И что теперь делать? Что же делать-то, а?

– А вы приходите завтра с утра пораньше, часиков в пять. Может, кто-то сдаст билет, – посоветовала кассирша.

– Может, сдаст, а может, и нет, – вздохнула Алёна.

– Всякое бывает, – кивнула кассирша, которую, судя по бейджику, прикрепленному к карманчику ее блузки, звали Ольга Всеволодовна Ковригина.

На самом деле имя кассирши не имеет никакого значения для нашего романа, кроме того, что Алёна вдруг задумалась, глядя на бейджик: «Ольга Всеволодовна... Как в „Гадюке“ Алексея Толстого. Интересно, читали родители женщины „Гадюку“ или нет? Наверное, да, иначе почему выбрали для дочери такое имя в сочетании с таким отчеством... А может быть, просто случайность?»

Надо сказать, нашу героиню в минуты расстройств часто посещали бессмысленные мысли вроде вышеприведенной. Она, по ее собственному выражению, плохо держала удар, а потому в минуты потрясений или просто неприятных сюрпризов начинала думать о всякой ерунде, вместо того чтобы сосредоточиться на решении проблемы.

Тут, на свое счастье, она вспомнила, что героиню Толстого звали вовсе не Ольга Всеволодовна, а Ольга Вячеславовна, и вопрос о том, читали ли родители билетной кассирши рассказ «Гадюка», перестал ее волновать. И в голову на освободившееся место пробилась трезвая мысль:

– Скажите, а на сегодняшний вечерний поезд, ну, который почти в полночь уходит, нет шансов взять билет?

– Хм! – выразительно произнесла Ольга Всеволодовна.

– Понятно, – уныло кивнула Алёна, убирая в сумку паспорт.

– Ну вот разве что в СВ, – пожала плечами кассирша.

– Эх... – с тоской пробормотала Алёна.

Тоска ее была настолько понятна и легко объяснима, что

Ольга Всеволодовна сочувственно кивнула.

– Ладно, давайте в СВ, – протяжно вздохнула Алёна и опустила руку в сумку, во внутренний карманчик, доставая деньги. Денег нужно было много. И жалко их было – до ужаса... – Ну а хоть обратный билет на тот же день вечером найдется?

Ольга Всеволодовна взглянула на монитор.

– Найдется. Только с обслуживанием. В смысле, с питанием. Зато нижняя полка. Как, берете?

– Эх... – снова вздохнула Алёна. – Беру, куда ж деваться-то?

– Постой... – вдруг изумленно сказала Ольга Всеволодовна и уставилась на монитор, словно не верила глазам своим. – Слушайте! Вам повезло! Только что, вот буквально сию минуту, сдали купейный билет до Москвы на нынешний вечер. Отправление в 23.55, нижняя полка и без питания. Возьмете?

– Скорей! – выкрикнула Алёна. – Давайте его скорей!

– Готово, – сообщила Ольга Всеволодовна, пробежавшись пальцами по клавиатуре. – Ну, повезло вам.

– Спасибо большое! – сияла Алёна, доставая из кошелька гора-а-аздо меньшую сумму, чем выложила бы за СВ.

Деньги – это такая гадость... Нельзя их жалеть, ну нельзя! Вот взяла бы Алёна Дмитриева билет в СВ, и от скольких неприятностей избавила бы себя! Впрочем, назвать то, что с ней произошло, неприятностями все равно что назвать паука

безобидной бабочкой.

Но, с другой стороны, кто устоял бы перед столь счастливой случайностью?!

Счастливой... да-да-да-да-да!

Письмо, написанное за месяц до текущих событий

Сама не знаю, зачем это пишу. Просто чтобы сказать тебе, что я тебя так сильно любила, а ты... Кем же надо быть, что бы ТАК поступить?! Я тебе разве когда-нибудь отказывала, чтобы тебе понадобилось по девкам шляться? Или просто натура у тебя такая оказалась? Как ты мог! И ты приходил от них и целовал меня и дочку, а губы у тебя, оказывается, были ядовитые... Не понимаю такой подлости, не понимаю! Что я дочке скажу? Что я маме скажу?! Как буду теперь жить? Ты найдешь новую потаскуху, а я... Я теперь навсегда останусь одна. Я же тебя любила, любила... Ты ведь знаешь, я девушкой за тебя выходила... За что, ну почему ты так?!

Я и не знала, что можно такую боль испытывать, что так ненавидеть можно. Мне противно даже думать о тебе! Я тебе желаю всего самого плохого! Я тебе желаю сдохнуть, сдохнуть! Ты никогда больше не увидишь дочку, понял? Никогда! И меня не увидишь, подонок. Подонок, подонок!

Как подумаю, сколько ты мне врал... Я же знала, чувствовала... А ты приходил и тащил меня в постель, чтобы я думала: если ты меня хочешь, значит, никого другого у тебя нет и быть не может. А она была... они были...

Нет! Все! Не буду больше писать! Хватит перед тобой унижаться! Живи как хочешь. Как можешь. Не сомневаюсь, что ты еще и счастлив будешь. Так вот я тебе желаю, чтобы с тобой когда-нибудь так же обошлись, как ты обошелся со мной. Чтобы у тебя вот так же сердце вырвали и в душу тебе плюнули! Тогда ты поймешь... Да, поймешь!

А может быть, и нет. Но мне все равно, что с тобой будет. Желаю тебе сдохнуть! Понял? От СПИДа или от сифилиса. Пусть тебя прирежет какой-нибудь сутенер этих девок!

*Все! Пропади ты пропадом, подлая тварь!
Твоя бывшая жена.*

*** * ***

У каждого из нас есть некие блаженные воспоминания. Были они и у Алёны Дмитриевой. Прямо скажем, за жизнь их накопилось немало. В числе прочих, например, было и связанное с нелюбимыми ею РЖД. Словно великую драгоценность, Алёна хранила воспоминание о том, как ехала она в Москву одна-одинешенька в купе. Вот выпалась! Вот отдохнула!

Нынче ей такой удачи никак не светило, что было понятно еще в кассе. Ну а при входе в купе стало понятно в три раза яснее. На столике уже лежали три билета, на вешалках уже висели три кожаные куртки, а на нижних полках сидели три молодых человека – ее будущие попутчики, надо полагать.

– Добрый вечер, – произнесла Алёна, окидывая их безразличным взором. Да так и онемела – потому что одним из троицы был не кто иной, как Игорь.

Игорь... ну, это отдельная история. Особая! Это история такой любви, такой боли, такого горя... *Игорь... горе...* Очень схожие слова, верно? А в общем-то, история самая тривиальная. Любовь взрослой, как теперь принято говорить, дамы к молодому красавцу, ее обожание, его снисхождение, бурный роман, измена, разлука. Они больше не встречаются, где он, что с ним и с кем он, ей неизвестно. Ну, где-то живет, и, наверное, очень даже неплохо, а она идет по жизни смеясь, потому что иначе просто не умеет. У нее поклонники, у нее любовники, **НО...**

Вот именно такое «но» – написанное прописными буквами, выделенное курсивом и жирным шрифтом. Потому что для нее ничего не кончилось, ничто не минуло – настолько, что порою незабываемое его лицо видится ей в небесах, и в бегущей реке, и на экране телевизора, и, конечно, в толпе чужих и безразличных лиц... И очень часто она принимает за него других мужчин...

Между тем Игорь буркнул что-то вроде: «Здр...» – и, взяв

со столика газету «Гудок», уткнулся в нее с таким безразличием к Алёне, как если бы в купе вошла не его бывшая возлюбленная, а совершенно незнакомая особа. И его тугая вишневая нижняя губа, которую Алёна когда-то имела полное право целовать, оттопырилась с некоторой утомленной безгливостью.

И только тут Алёна поняла, что ошиблась. Парень просто похож на Игоря! Похож невероятно. Можно сказать, двойник. Но все же не он... «Ах, не он, не он!» – вскричала Марья Гавриловна и упала без чувств... Не поручимся за точность цитаты, но очень похоже на чувства, испытанные сейчас Алёной Дмитриевой. Вот так же и молодой человек, попутчик, был всего лишь похож на Игоря, но не Игорь.

Ах, не он, не он...

Как только Алёна это поняла, в первую минуту у нее даже слезы – едкие слезы разочарования! – навернулись. Ведь они так давно не виделись, она так тосковала по нему! Но в следующее мгновение холодноватый рассудок Девы (а наша героиня, чтоб вы знали, Дева по знаку Зодиака) остудил нетерпение сердца, и она почувствовала даже облегчение. Окажись здесь и в самом деле Игорь, ситуация сложилась бы – глупей не придумаешь. И мучительней...

Но и нынешнюю нужно было как-то пережить, а потому Алёна поспешно отвела глаза от Двойника. Так она назвала попутчика в первое мгновение после того, как осознала свою ошибку, ну и мы будем его так же называть до тех пор, по-

ка судьба и сюжет романа не откроют нам имя молодого человека. Как пара изощренных игроков внезапно открывают карты...

А молодой человек, видимо, привык к тому впечатлению, которое производит на взрослых женщин. И мгновенное оцепенение Алёны вызвало у него некое сокращение лицевых мускулов, которое придало ему самодовольно-пресыщенное выражение.

Вот и Игорь порою держал себя точно так же, когда дамы начинали уж слишком пожирать его глазами. На самом-то деле ему их взгляды нравились, безумно нравились. Он жить не мог без поклонения всех тех дам и барышень, которые записывались в танцевальную студию, где он преподавал, только чтобы удостоиться его мимолетного внимания. Ну да, красавец, некогда разбивший сердце Алёны Дмитриевой, был учителем танцев... И не прав, между прочим, будет тот, кто сочтет ситуацию пошлой и плоской! Вспомните вот хотя бы пьесу Лопе де Вега «Учитель танцев», и сразу поймете, что представители данной профессии вполне годятся на то, чтобы сделаться истинными героями романов – как сердечных, так и литературных:

- Должно быть, он незаурядный
Учитель танцев и манер.
- Он настоящий кавалер
По виду...

Игорь имел все необходимые качества для того, чтобы разбивать женские сердца. Он был не просто безумно красив и обаятелен, не просто танцевал, как бог Шива, заставляя женские сердца преисполняться эротическими судорогами. Его черные глаза обладали совершенно невероятной способностью смотреть на всех женщин так, что каждой казалось, будто он смотрит только на нее. И не просто смотрит, но ласкает ее взглядом, и взгляд этот как бы подергивается мечтательной дымкой, словно бы Игорь понимает всю недостижимость для него красавицы, на которую смотрит, но все же глаз от нее отвести не может.

Нечего и говорить, что отныне та красавица готова была на все, чтобы доказать ему свою пылкость и разрушить миф о своей недостижимости. Однако тут-то ее и ожидало фиаско! Ведь Игорь прекрасно понимал, что, если он выберет одну, другие будут для него потеряны. По сути своей он был сущим петухом (хотя согласно гороскопам являлся Львом и Козой), султаном, падишахом – то есть прирожденным повелителем гарема, сераля или хотя бы курятника. Все свои интрижки, бывшие в действительности или воображаемые поклонницами, он держал в таком страшном секрете, что куда там Штирлицу. И даже его бурный роман с Алёной Дмитриевой оставался тайной практически для всех – за исключением одной подруги, которая в конце концов и увела красавца от нашей героини.

Да, вот таковы они, лучшие подруги, с ними знай держи

уху востро! Ну а новый роман обворожительного танцора, роман с лучшей подругой, содержался в столь же глубокой, ну просто глубочайшей тайне. Игорь по-прежнему был недо-стижимым, вожделенным идеалом, и одному богу известно, сколько верных жен (а студию весьма активно посещали заму-жние дамы) мысленно воображали себя в объятиях черно-глазого божества, когда по ночам исполняли комплекс обя-зательных горизонтальных упражнений в объятиях законно-го мужа... Тот-то, бедолага, конечно, и не подозревал, ко-му обязан неожиданной пылкостью супруги. Ему и в голову не приходило, чье имя беззвучно шепчут пересохшие губы обуреваемой страстью женушки, чье загорелое, обтекаемое, стремительное, гладкое тело в воображении нежат и ласкают ее руки, ставшие вдруг бесстыдными, умелыми, нетерпели-выми до такой степени, что она так и норовит схватить су-пруга за выступающие части тела... кто на самом-то деле за-ставляет ее биться в судорогах почти животной страсти, так высоко подбрасывая бедра... Иной муж даже всерьез опасал-ся быть сброшенным с постели на пол, вцеплялся в жену ру-ками и ногами и восторженно изумлялся: «Эка разошлась! Вот до чего я ее довел! Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

Хотя ни Пушкин, ни сукин сын были здесь, понятное де-ло, ни при чем... Да и муж, собственно говоря, тоже... Хотя, разумеется, никто из супругов ни о чем подобном не подо-зревал.

Вот и хорошо. Ибо во многой мудрости – многая печаль,

что в переводе с древне библейского означает: «Меньше знаешь – лучше спишь!»

Смешнее всего, что некоторые мужья были знакомы с Игорем. Во всяком случае, имели возможность видеть его, когда заезжали за женами в танцевальную студию. Однако ни один из них даже не предполагал, что видит перед собой соперника. Удачливого, по большому счету, соперника!

Алёна по этому поводу частенько вспоминала обожаемого классика, которого сознательно или бессознательно, буквально или нарочито пародируя, цитировала всю жизнь:

Но вы, блаженные мужья,
С ним оставались вы друзья:
Его ласкал супруг лукавый,
Фобласа давний ученик,
И недоверчивый старик,
И рогоносец величавый,
Всегда довольный сам собой,
Своим обедом и женой.

Алёна представила, как на нее посмотрел бы Игорь, окажись он и правда сейчас в купе поезда. Да уж, наверное, вообще никак не смотрел бы. Скорей всего, немедленно сбежал бы в другое.

Какой тоской наполнило Алёну это открытие! Какой тоской наполнил ее безразличный, пресыщенный взгляд Двойника! Она сразу ощутила себя некрасивой, унылой и если

не старой, то изрядно поношенной... Такой же унылой и невзрачной, как ее черная куртка, черный свитер, черные брюки и черные туфли на низком каблуке.

Ну зачем она нарядилась во все черное?! В дорогу, типа, чтоб немаркое... Как будто она собиралась ехать не в купейном вагоне, а в товарняке. И черное, главное! Знает же, что цвет ей совершенно не идет. Зачем зачесала волосы назад, зажала их заколкой? Почему не накрасилась? Ну да, решила, что утром подмажется, перед прибытием в Москву, а сейчас, дескать, какой смысл краситься, уже около полуночи, сразу спать нужно ложиться.

Ну-ну... Вот и ложись, да поскорей. И еще отвернись к стене, чтобы Двойник тебя не разглядел ненароком и чтобы его красивое, словно выточенное лицо с аккуратной щеточкой бородки (совершенно такую же бородку отрастил Игорь, чтобы замаскировать несколько слабоватый подбородок – единственный недостаток в его сияющей, безупречной внешности!) утратило наконец пресыщенно-брезгливое выражение.

Тут Алёна спохватилась, что все еще стоит столбом в дверях и таращится на Игорева двойника с неприличным любопытством. А на нее таращатся двое других ее попутчиков.

Впрочем, Алёне было не до них. Она их едва разглядела. Вроде бы один высокий блондин, а другой невысокий шатен. Двойник же был брюнетом среднего роста.

Мужские взгляды обычно прибавляли Алёне бодрости,

и она отлично знала, как нужно на них отвечать. Но только не в тех случаях, когда мужчины пялились на нее с таким уныло-безразличным выражением, как эти двое. Насупившись, она сунула сумку в угол, рядом с чьим-то изящным рюкзачком, уже лежащим там, стащила куртку, путаясь в рукавах, одернула свитерок и присела на свою полку бочком, будто горничная, пришедшая наниматься в богатый дом. А впрочем, горничную, пришедшую наниматься в богатый дом, вряд ли пригласили бы присесть...

Блондин и Двойник размещались напротив Алёны. Шатен, сидевший сначала на ее полке, помедлил было, а потом тоже перебрался на противоположную: то ли чтобы единственная дама в купе чувствовала себя свободней, то ли потому, что ему было неприятно даже сидеть рядом с ней.

Чувствуя себя как-то клинически по-идиотски, Алёна сложила руки на коленях и уставилась на башмаки попутчиков. Ну а куда еще смотреть, в самом-то деле? В окно? А что там увидишь, за пыльным вагонным окном, кроме темноты? На лица молодых людей? Неудобно... Вот она и смотрела на башмаки.

Двойник оказался обут в черные туфли с длинными, чуть загнутыми носами. Между прочим, у Игоря были совершенно такие же... При виде этих туфель у Алёны почему-то сжалось горло, и она поспешно перевела взгляд на мягкие коричневые мокасины блондина, а затем на черные кроссовки шатена. Джинсы на шатене тоже были черные. Алёна безраз-

лично подумала, что кроссовки немного тяжеловаты для таких худых ног, как у шатена, а джинсы ему великоваты (вон как топорщатся на том месте, где ширинка). Ноги блондина выглядели куда как крепче и были плотно обтянуты темно-коричневыми вельветовыми брюками с манжетами. Алёна не всегда нравились брюки с манжетами, и она невольно задержалась на них взглядом.

Очень стильно! Черт, черт, черт, ну почему сама Алёна, всегда такая элегантно-небрежная и даже где-то изощренная в нарядах, явилась сегодня в образе никому не нужной, стареющей тетки?!

Размышлять о собственном несовершенстве было мучительно и вообще ни к чему, поэтому Алёна принялась исподтишка разглядывать попутчиков.

Ноги Двойника скрывались под столиком, однако было видно, что на нем классические темно-синие джинсы. Еще на нем был синий джемпер с треугольным вырезом. Тонкая цепочка с крестиком убегала в вырез, перечеркивая впадинку между шеей и плечом. На пальце левой руки Двойник носил серебряное кольцо с чернью.

Между прочим, Игорь тоже носил серебряное кольцо – в виде двух переплетенных окружностей. Кольцо вызывало истерическое любопытство всех посетительниц танцевальной студии. Что означает это сплетение? Кто подарил кольцо Игорю? Да уж, наверное, немало было желающих делать подарки такому красавцу... А может, сам купил? Ну так

вот, поясним: кольцо ему подарила Алёна, и переплетенные окружности когда-то так много значили для них. Интересно, Игорь все еще носит его или?...

Наша героиня отвела глаза от рук Двойника и снова посмотрела на шею. Цепочка чуть заметно поднималась на смугловатых ключицах и снова опускалась. Алёна заметила, как дрогнула – раз и два – ямочка на горле Двойника.

Алёне вдруг стало жарко. Захотелось расстегнуться. Но свитер не расстегнешь, его можно только снять. Хм, заодно можно представить, как уставились бы на нее парни, окажись она перед ними без свитера, в одном только лифчике! Небось убежали бы с криком ужаса. Она ведь им годится если не в маменьки, то в тетушки однозначно.

Между прочим, не все такие пугливые. Скажем, двое ее знакомых – Андрей и Константин. Одному из них тридцать два, другому двадцать девять. Они, как было принято писать в стародавних чинных романах, пользовались расположением нашей героини. Разумеется, ни один из них не подозревал о наличии соперника. Алёна очень умело их разводила во времени и пространстве и никаких несчастных случайностей (как то – перепутать час свидания или назначить обоим встречу одновременно) не допускала. Она была умная женщина, во-первых, а также писала детективы, во-вторых. А значит, умела держать интригу. Все-таки *noblesse oblige*!

Нет, не будет она ничего с себя снимать. Пока. А на ночь влезет в футболку, которая скрывает тело надежней, чем ска-

фандр водолаза.

Алёна мимоходом отметила, что блондин одет в тускло-зеленый шелковистый пуловер, туго обтянувший его крепкий торс, а шатен – в черный свитер. Итак, он предпочитал черное, этот невысокий парень с небольшими руками, которые лежали, лежали себе на коленях, но вдруг нервно сжались в кулаки. Он исподлобья зыркнул на Алёну и снова опустил глаза. У него был нервный, красиво очерченный рот, в уголке которого имелась родинка. Губы его вдруг вздрогнули – не то в ухмылке, не то в такой же брезгливой гримаске, как у Двойника.

«Ему неприятно, что я на него смотрю!» – подумала Алёна, и ее настроение, конечно, испортилось бы еще больше, если бы такое вообще было возможно!

Куда уж хуже, в самом-то деле!

Но буквально через минуту она узнала – куда...

– Билетики на проверку, денежку за постель приготовим! – раздался зычный голос, и в купе вошла проводница, объемистая тетка с тугими обесцвеченными локонами. Кажется, встретить ее Алёна где-нибудь на улице, даже без формы РЖД и непрременной клеенчатой сумки с кармашками, и то сразу догадалась бы, что перед ней именно проводница. Есть в них что-то типическое, есть!

А поезд-то уже отошел, оказывается. Алёна и не заметила.

Не тратясь особо на приветливость, проводница деловито проверяла билеты. Начался шелест купюр. Постель стояла

62 рубля 80 копеек, и молодые люди все, как один, достали по сотне. Проводница ворчала, что десяток нет (национальная финансовая болезнь нового времени – отсутствие десятков, ну просто клиника какая-то!) и мелочи на сдачу тоже. От копеек парни снисходительно отмахнулись, а десятки согласились подождать...

Все это время Алёна выворачивала наизнанку свою сумку. В сумке было четыре карманчика, но ни в одном она не нашла того, что искала, – кошелька. Не оказалось денег и в боковых кармашках, куда Алёна иногда прятала их. А вся мелочь из карманов куртки была, помнится, истрачена на маршрутку до вокзала.

Да где же кошелек?! Вытащили в маршрутке? Вряд ли – сумка была закрыта.

Тут ехидная память Алёны ловко, словно карточный шулер, выкинула картинку: ее комната, край письменного стола, на котором лежали блокнот, мобильный телефон, кошелек, ключи, паспорт со вложенным в него командировочным удостоверением и билетами в Москву и обратно. Все перечисленное добро, как она только что убедилась, лежало в сумке. Все, кроме кошелька. Наверное, в суете сборов Алёна смахнула его со стола, да и не заметила. И теперь он так и валяется под столом, хотя должен бы находиться в ее сумке...

Оч-чень хорошо! Ну просто исключительно – отправиться в Москву без копейки денег... И что же делать?

– Так, девушка, за постель платить будем?

Алёна жалобно моргнула:

– Извините... Представляете, я забыла дома кошелек.

– Оссидя... – вздохнула проводница. – Чего только люди не выдумают...

– Честное слово! – оскорбилась Алёна. – Можете проверить!

И она сделала попытку вывернуть перед проводницей сумку.

– Да ладно, чего тут бебехами своими трясти! – брезгливо отмахнулась та. – И что будем делать?

– Ну, я... не знаю... Можно, я без белья... просто так?

– Пользоваться матрасами и подушками без казенного белья запрещено, – отчеканила суровая вагонная хозяйка.

Алёна покосилась на сомнительной чистоты и мягкости матрас, свернутый в рулон и задвинутый в угол полки.

– Ну ладно, я просто так... на полке... на голой...

Проводница возмущенно фыркнула:

– На голой, ишь ты! Поройся еще в сумке, может, и найдешь чего, – предложила она бесцеремонно, как если бы безденежность Алёны давала ей право перейти с пассажиркой на «ты», будто с какой-то вокзальной синявкой, случайно затесавшейся в купейный вагон.

В другое время наша героиня не спустила бы, конечно, хамства, но сейчас она чувствовала себя не просто униженной – уничтоженной.

Такой позор! И Двойник все это видит и слышит!

Почему-то именно последнее казалось наиболее унижительным. Нет, перед двумя другими парнями тоже было ужасно стыдно, но Двойник... Как будто сам Игорь стал свидетелем невиданного, неслыханного позорища Алёны.

Она продолжала рыться в сумке, а между тем все яснее и яснее отдавала себе отчет: все же придется ей спать на голой полке.

Ох и новая позоруха начнется, когда попутчики станут стелить себе постели! Небось предложат безденежной дамочке с миру по нитке – по простынке...

Безденежной или... слишком скупой? А вдруг они все: и проводница, и молодые люди – втихомолку решили, что Алёна просто жадничает? Что жаба ее давит – заплатить за постель, и ради несчастных шестидесяти рублей она готова кости на голой полке ломать?

Тем временем шатену, очевидно, стало жарко, и он снял свитер. Под ним обнаружилась черная же футболка с какой-то непонятной надписью – «*Yahoоею*». Блондин странно хрюкнул носом.

Алёна мельком глянула на надпись, ничего не поняла и продолжила искать выход из дурацкой ситуации, в которую влипла. В тяжелые моменты жизни мыслительные способности нашей героини всегда обострялись.

И наконец ее осенило!

– Послушайте, – искательно поглядела Алёна на проводницу, – вот мой паспорт, я готова оставить его вам в залог, а

в Москве я получу деньги и принесу к отправлению вашего поезда. Вы обратно из Москвы днем? Во сколько, в четырнадцать или в семнадцать?

– В двадцать один! Вечером! – с какой-то мстительной интонацией выпалила проводница и поджала губы. – Это что ж, до вечера ждать, пока ты деньги принесешь? И вот еще не хватало – паспорт в залог брать! Нам запрещено. Потом еще скажешь, что я его у тебя украла.

– Почему? – растерянно хлопнула глазами Алёна. – Зачем мне такое говорить?

– Ну, уж тебе лучше знать! – туманно пояснила проводница.

– Хорошо, – сказала Алёна, хотя ничего хорошего в сложившейся ситуации не усмотрел бы даже тот жизнерадостный кретин, который уверял, будто клопы пахнут хорошим коньяком, а вовсе не коньяк клопами. – Хорошо... Тогда вы мои паспортные данные можете переписать. Мой адрес на штампе прописки: улица Ижорская, дом 24, квартира 17. Третий этаж, – зачем-то добавила она. – Смотрите, номер паспорта, дата выдачи... Вот бумажечка, вот ручечка, давайте запишем на бумажечку... А зовут меня...

– Да какая мне разница, как тебя зовут? – холодно перебила проводница. – Куда я потом денусь с твоей бумажечкой? Как отчитаюсь за комплект белья?

– О господи! Ну ладно, давайте я к начальнику поезда, что ли, обращусь с просьбой, раз такое дело! – воскликнула

Алёна.

Однако проводница, не замедляясь ни мгновением, выдвинула новый ряд заградительных сооружений:

– У него сейчас ревизоры. Еще хуже нарвешься!

– Куда уж хуже... – уныло пробормотала Алёна, признавая полную бессмысленность борьбы с судьбой.

Вдруг блондин, до того, как и прочие, с молчаливым любопытством слушавший вышеприведенный диалог, сказал проводнице примирительным тоном:

– Да ладно, хватит вам женщину мучить. Вот, возьмите деньги. Я заплачу за ваше несчастное белье.

Алёна уставилась на него недоверчиво – и тут же лицо ее обожгло румянцем стыда.

– Нет, что вы, я не могу, мне так неловко... – забормотала было, однако тотчас сообразила, что предложенный выход – единственно достойный для нее, и чем дольше она будет размазывать неловкость сложившейся ситуации, тем большей дурой себя выставит. Хотя, кажется, и так больше некуда. Делать нечего, надо немедленно прекращать сцену. – Большущее вам спасибо, огромное! Я просто не знаю, что бы я без вас... Давайте я скорей запишу ваш адрес, я перешлю вам деньги... или сама принесу... Скажите, скажите мне ваш адрес!

Проводница пренебрежительным взглядом окинула Алёну и хмыкнула:

– Лучше по почте отправь. Чего в гости-то намыливаешь-

ся? – И, швырнув на Алёнину полку пакет с бельем, тетка вышла из купе, оставив несчастную пассажирку в состоянии, близком в коматозному.

«Я вовсе не намыливаюсь», – чуть было не начала лепетать Алёна. Однако, на счастье, язык у нее присох к гортани, не то она и вовсе довела бы ситуацию до абсурда.

– Ладно, с адресом мы потом решим, – сказал блондин, отводя глаза и тоже, видимо, чувствуя себя преглупо. – Парни, давайте выйдем, пусть дама устраивается.

И он проворно выскочил в коридор. Двойник и шатен последовали за ним, так же старательно не глядя на Алёну.

Дверь захлопнулась, наша несчастная склеротичка смогла наконец-то перевести дух. Оставшись одна, она даже умудрилась сделать вид, что ничего особенного не произошло, и легкомысленно пожала плечами: мол, да подумаешь!

Она сунула под полку свою сумку, переложила на противоположную изящный синий рюкзак с красиво переплетенными буквами PS, принадлежащий кому-то из парней, и начала стелить постель.

Интересно, что значит монограмма? Вроде бы Алёна уже видела ее раньше. И не столь уж давно... А, ерунда! Какое она имеет значение?

За нехитрым процессом разборки пакета с бельем Алёне почти удалось прийти в себя, потому что наша героиня принадлежала к разряду тех людей, которых называют пофигистами. Она принимала все, с ней происходящее, близко, по-

рою даже чрезмерно близко к сердцу, однако последствия умела виртуозно выкидывать из головы.

Итак, она принялась стелить постель, уверяя себя, что все произошедшее – полная ерунда. Ну стали какие-то мальчишки свидетелями ее позора... Да и вообще, где здесь позор? Небольшая неловкость, только и всего. Сейчас она ляжет спать, утренняя суета вовсе все размажет, ей будет не до попутчиков, им – не до нее, они больше в жизни не увидятся... Так о чем переживать?

Алёна переоделась в любимую футболку и хлопчатобумажные разноцветные велосипедки до колен, которые стали уже слишком вылинявшими для того, чтобы появляться в них среди разряженных в пух посетительниц шейпинг-зала, где она занималась, ну а спать в них в поезде было просто замечательно. Наденешь еще носочки – мягонькие, белорусские, тоже чистый хлопок, – и всю ночь тепло, как дома. Алёна вообще почти всегда спала в носочках, потому что ноги у нее постоянно мерзли. Да и пальцы рук оставались холодными даже в самую жаркую жару. А зимой вообще катастрофа, потому что они не согревались и во время работы на компьютере. Иногда Алёне приходилось нарочно ставить рядом кружку с кипятком и частенько обхватывать ее пальцами. В такие минуты наша писательница воображала себя Анной Ахматовой в Петрограде времен Гражданской войны.

Итак, она переоделась и легла в постель, почти обретая привычное состояние уверенности в себе (хотя бы внешне!)

и общего пофигизма.

Однако самочувствие ее было бы несколько иным, если бы она услышала, как шатен, едва захлопнулась дверь купе, встревоженно пробормотал, глядя на Двойника:

– Слушай, ситуация осложняется. Кажется, она тебя узнала.

– Да брось, – буркнул тот. – На меня все бабы так реагируют, я уже привык. В любом случае, раз уж мы начали это дело, сворачивать поздно. Поздно! Или вы пасуете?

– Я – нет, – решительно бросил шатен.

– Ну ладно, я тоже... – после некоторой паузы пробормотал блондин.

Телефонный разговор, состоявшийся во время описываемых событий

– Привет, Шурка.

– А, это ты... Привет.

– Ну как, все ОК?

– Вроде того.

– Ты в купе, что ли?

– Да нет, на минутку вышли. Попутчица переодевается.

– Ах вот оно что...

– Ну да.

– Ну и как?

– Пока никак.

– Еще не начинали?

– Нет.

– Эх, черт, как охота посмотреть!

– Посмотришь, если все получится.

– Ладно-ладно, какое может быть «если»... Все получится.

– Ну давай. Пока. Мы тут хотели в ресторан сходить.

– А, понимаю, глотнуть для храбрости... На сухую не можете?

– Пошел бы ты, а, малютка? Что ты в таких делах понимаешь?

– Кто? Малютка?! Как слезку провести, как в систему влезть, так, братишка, выручи... А теперь малютка? Да что бы вы без меня делали! Как бы вы узнали...

– Никак. Точно, мы бы без тебя пропали. Но сейчас притихни. Завтра позвоню. Все, чао-какао.

– Ёлы-палы... Я до завтра не доживу, мли-и-ин!

– Уж доживи как-нибудь! Постарайся!

* * *

Как обычно бывало в поездах, Алёна долго не могла уснуть. Прежде всего из-за этого она терпеть не могла железную дорогу. Ночь превращалась в пытку, а потом днем хотелось приклонить голову где ни попадя, ноги заплетались, ничто не было в радость. Завтра, кажется, ее ожидает такой

же замечательный день.

Слишком громко стучали колеса, слишком громко плакал ребенок в каком-то купе – вот же повезло кому-то! – слишком громко хохотали мужики за тонкой стенкой, в соседнем купе...

«Может, *эти* там?» – подумала Алёна. «Эти» как ушли, так до сих пор и не возвращались, хотя на часах уже (она посмотрела) половина второго. Ох, как они ржут! Алёна терпеть не могла слово «ржать», когда оно не касалось лошадей, но сейчас иначе просто не скажешь. Еще угораздило забыть французские восковые затыкалочки для ушей – иногда единственное средство уснуть. Конечно, можно скомкать мягкую бумажную салфетку, но от чуть слышного шелеста бумаги в ушах вообще с ума сойти можно, подобное испытание не для таких невропаток, как Алёна Дмитриева. И штора не спущена, в купе то и дело врывается свет. Почему так много света ночью на железной дороге? Ну просто мучение, честное слово!

Хотя нет, «ржут» не «эти». Слишком грубые мужские голоса, «эти» все же помоложе. В ресторане, наверное, сидят. Пьют. Что? Да уж не миллезимный арманьяк¹, надо думать! Откуда ему взяться в вагоне-ресторане? В лучшем случае «Дагестанский», три звезды. А скорей всего, пьют пиво – ненавидимый Алёной Дмитриевой напиток, самый пошлый

¹ Среди виноделов миллезимными называются арманьяки, имеющие не менее десяти лет выдержки.

на свете. Будут потом всю ночь бегать в туалет, дверью гротать. Да и запашок, конечно, в купе воцарится соответственный, перегарный. Ой, ну как бы заснуть! Заснуть и не слышать, как они вернутся. Может, тогда и запашок не помешает?

И она, вообразите себе, заснула. И приснился ей очень странный сон.

Увидела себя Алёна в каком-то огромном и весьма-весьма презентабельном тренажерном зале. Высоченные окна, зеркала от пола до потолка, живые цветы в изящных вазонах и кашпо, множество изощренных тренажеров, кондиционированная прохлада, изысканный аромат, негромкая, ненавязчивая музыка, ковровое покрытие цвета морской волны... Короче, мировой класс! И в том роскошном зале Алёна была одна.

Она погляделась в зеркало и обнаружила, что на ней та самая просторная, как платяной шкаф, футболка, которую она нынче взяла с собой в дорогу. Широкой-то футболка была, а вот длинной ее не назвал бы самый великодушный наблюдатель – она едва прикрывала Алёне бедра. Причем почему-то наша героиня не обнаружила на себе велосипедок. И, судя по некоей особенной прохладе, которую ощущали ее бедра, на ней не было даже трусиков. Ошеломленно разглядывая в зеркале свои голые незагорелые ноги, Алёна вдруг заметила боковым зрением какое-то движение в зале и, оглянувшись, обнаружила неподалеку не кого иного, как Игоря, ко-

торый с неподдельным интересом смотрел на ее голые незагорелые ноги. Конечно, Алёна смутилась, конечно, начала тянуть футболку вниз, чуть не до колен, пока не обнаружила, что прикрывается спереди, но открывается сзади, а поскольку сзади тоже находилось зеркало, ничто не мешает Игорю тарашиться на ее попку.

Вид у него был ошарашенный. С чего бы, впрочем? Были времена, когда он имел возможность разглядывать Алёну как сзади, так и спереди, как сверху, так и снизу, но никакого изумления, кроме восторженного, проявлять себе не позволял. Но сейчас у него появилось примерно такое выражение, как если бы он шел на встречу с известной бизнесвумен по поводу трудоустройства, а обнаружил ее в таком виде, в каком была теперь Алёна.

Она от ужаса присела на корточки, натянула футболку до самого пола (вернее, до красного коврового покрытия) и снизу уставилась на Игоря с молящим выражением.

Вот именно – с молящим! В реале-то она никогда и виду не подавала бы, что хочет, чтобы Игорь вернулся (даже сама себе в том не признавалась), но сон есть сон, тут многое можно себе позволить.

Тем временем Игорь начал приближаться к Алёне, и в глазах его она заметила выражение, давным-давно ею в этих прекрасных глазах не виданное. Называется оно – вождение.

От изумления Алёна окаменела. Да неужто сбылись ее са-

мые безумные, самые заветные мечты?

Тем временем Игорь оказался совсем рядом и тоже опустился на корточки. Мгновение его глаза, которые казались Алёне самыми красивыми, самыми манящими, вообще единственными на свете, смотрели жадно и нетерпеливо, а потом он легонько толкнул Алёну в плечо. Она потеряла равновесие и довольно нелепо рухнула на бок. В то же мгновение Игорь перевернул ее на спину и навалился сверху.

Господи, какое счастье ощутила она, почувствовав тяжесть его тела и жар дыхания! Теперь глаза его оказались близко-близко, и выражение их было совершенно безумное.

Все было бы прекрасно, конечно... но ужас в том, что Алёна немедленно обнаружила, что это никакой не Игорь, а Двойник.

Ну да, Двойник!

Ах, не он, не он, вскричала Марья Гавриловна и упала в обморок... Или как там дословно-то будет?

Алёна никуда не упала ни во сне, ни наяву. Наоборот, она проснулась, потому что чье-то тяжелое тело навалилось на нее вполне реально. Она открыла глаза и тотчас зажмурилась, обнаружив, что в купе включен свет. Через мгновение она снова распахнула ресницы и увидела, что шатен и Двойник сидят на противоположной полке и помирают со смеху, глядя на блондина, который, потеряв равновесие, свалился на Алёну. Плюхнулся на нее, можно сказать, и теперь никак не мог подняться.

Ну да, случилось то, чего она и боялась. Все трое попутчиков были изрядно пьяны.

Она резко подтянула колени, села и спихнула блондина с себя. Вообще следовало бы ему что-нибудь сказать *этакое!* Да как-то неудобно. Все же он ее выручил из очень неприятной ситуации, она у него в долгу... Сейчас он испугается, сконфузится, пробормочет: «Ой, извините!», она скажет: «Ничего, ничего!», улыбнется снисходительно, отвернется к стенке и...

Блондин, однако, не испугался, не сконфузился, ничего не пробормотал, а просто перевалился на другую полку, к своим приятелям. Однако шатен толкнул его обратно и захохотал:

– Иди к тете, мальчик! Попроси, может, она тебя по головке погладит!

Двойник просто-таки зашелся хохотом.

– По головке? – удивился было блондин, но тотчас тоже захохотал: – Да, супер, точно супер! А что, я завсегда! Тетенька, погладь меня по головке, а?

Те двое ржали самым натуральным образом, будто два молодых жеребца.

До Алёны наконец-то доехала сальная двусмысленность остроты. Чувствуя себя дура душой, она снова спихнула блондина со своих ног и отвернулась к стенке, свернувшись калачиком.

– Слышь, садись, – слышался голос шатена. – Вон те-

тенька рядом со своими ножками место тебе освободила. Я понимаю, ты предпочел бы между ножками, но уж что дают...

Алёна решила, что ослышалась. Но это оказались только цветочки.

– Ты малолетний похотливый геронтофил! – снова засмеялся Двойник. – Ты заметил, сколько ей лет?

Алёну бросило в жар. Вот скотина... А так похож на Игоря! Хотя явно и Игорь задавался теми же мыслями о ней, потому, наверное, и слинял к Жанне. Все же она на десять или даже на одиннадцать лет младше Алёны... Хотя все равно старше своего молодого любовника.

– Возраст женщины – предрассудок. И вообще, лучше быть похотливым геронтофилом, чем дрочером, – фыркнул шатен. – Я не усну сегодня просто так, я же чувствую...

– Вечерняя эрекция – обычное дело, – философски рассудил Двойник. – Или ты так уж сильно озабочен?

– Ха! – хвастливо сказал шатен. – У меня на ФСО, ну, на городском форуме сексуального опыта знаешь какой ник? Sperma forever!

– Йопт! – восхитился блондин.

– Есть, конечно, лекарство от всякой озабоченности, – задумчиво проговорил шатен. – Живот на живот – и все пройдет.

– Так кто даст? – хохотнул блондин.

– М-дя... – раздался тяжелый вздох шатена.

– Выпей брому, – посоветовал Двойник.

– Лучше йаду, – огрызнулся шатен.

– Лучше коньяку, – примирительно сказал блондин.

Раздалось некое звяканье, а потом бульканье, из чего Алёна заключила, что трое ненормальных притащили с собой коньяк из ресторана. Видимо, еще не напились.

Конечно, ненормальных! Такие вещи говорить при женщине! Неужели они не понимают, как оскорбляют ее? Или не соображают, что она все слышит?

– Не помогло? – ухмыльнулся блондин. – Еще налить?

– Не надо, – вздохнул шатен с некоторым смущением. – Чем больше выпью, тем дольше стояк.

– Аналогично, – пробормотал Двойник.

– Масса проблем возникает, верно? – вздохнул шатен. – Хоть гарем заводи. А что, вполне закономерно. Мужчина полигамен по природе. Назначение женщины – хранить семейный очаг. Мужчина должен завоевывать окружающее пространство. Другие женщины – тоже оно, пространство. Значит, адюльтер – необходимая тактика для мужчины.

– Одобрям-с, – усмехнулся блондин. – За это надо выпить!

И снова послышались бульканье и звон.

Червонная дама, четыре валета,

Ах, песенка ваша, сударыня, спета!

Червонная дама, четыре вальта

Теперь вы не та, уж давно вы не та! —

пропел вдруг блондин. Пропел не без приятности, как писали в старину.

«Валета? Вальта? – мимоходом озаботилась великая пуристка русского языка, писательница Алёна Дмитриевна. – Как правильно? Вроде бы вальта – разговорное, но в принципе можно и так, и так».

– Аффтару респект и мой персональный горячий привет, – пробормотал шатен. – Классный проект замутил!

– А то! – гордо согласился блондин.

«Песни петь начали, – с тоской подумала Алёна. – Черт, интересно, надолго у них загул или нет? Может, все же попросить парней уgomониться?»

Обычно она не лезла за словом в карман и в реакциях своих была стремительна, как фехтовальщица. Но тут что-то подсказывало: не нарывайся, не нарывайся. Парни без тормозов, такого негатива оберешь, что вовек не отплюешься!

На некоторое время наступила тишина. Слышно было, как парни что-то жуют.

– Ну и кислятина, – пробормотал блондин.

Понятно. Коньяк заели лимоном. А-ри-сто-кра-а-аты хреновы! Может, теперь пытка кончится?

Она и представить себе не могла, что пытка только начинается...

– А вот интересно, – сказал шатен, – анал почем щас?

– Блин! – пробормотал Двойник. – Колбасит молчела конкретно... Тебе пить, оказывается, вредно. Клинит!

– В наше время не пить, а жить вредно, – буркнул шатен. – Вышел на улицу, вдохнул – и хапнул целую кучу элементов таблицы Менделеева. Ладно, хватит флудить!² Я хочу трахаццо, понятно?

Блондин хмыкнул застенчиво, а Двойник вздохнул:

– Ежу понятно, чего ты хочешь. Ну а мы-то чем тебе поможем, скажи на милость? Пойти для тебя пелодку³ по вагонам искать?

– Зачем искать? – вкрадчиво проговорил шатен. – Да вот же она. Под одеялком скрючилась. Ее-то мы и будем трахать.

«Что?!» – чуть не вскрикнула Алёна, но от шока у нее пропал голос.

«Не может быть! – мелькнула мысль. – Я сплю и вижу сон, что ли? Этого просто не может быть!»

И в странном оцепенении она продолжала слушать полубезумный бред трех полупьяных молодых мужчин.

– Ее?! – воскликнул Двойник.

– Мы?! – воскликнул блондин.

– Ага, – ухмыльнулся шатен.

– Ну, если тебе охота, ты и рискуй, – протянул Двойник.

– Группен, только группен... – расхохотался шатен.

– Неддд! – сказал Двойник.

– Да вай нот? – возмутился шатен. – Чем она вам не нра-

² Флуд на сленге форумов Интернета – пустая болтовня.

³ На так называемом «языке падонков» пелодка, пелотка – женщина, а также – женский половой орган.

вится? Возрастом? Ну, это предрассудок. В каждой женщине и в каждом возрасте есть своя изюминка...

– Горошинка и кукурузинка, – хихикнул Двойник.

– Не перебивай! – отмахнулся шатен. – У дам в возрасте такой опыт и такой темперамент! Они же понимают, что мы – их последний шанс, у них же хронический недотрах, ну и стараются вовсю. Когда еще тетке такая везуха выпадет?

– Честно говоря, – задумчиво пробормотал блондин, – я был когда-то влюблен в вожатую в пионерлагере...

– А я – в свою тренершу по легкой атлетике, – перебил Двойник, и в голосе его послышалась мечтательная улыбка.

– А я когда-то фанател от коленок своей первой учительницы. До сих пор у меня фетиш – красивые женские коленки, – с легким оттенком смущения признался шатен. – А впрочем, все это оффтоп!⁴ Ближе к делу. Вернее, к телу.

– Я что хотел сказать? Я вообще-то всегда мечтал поюзать⁵ взрослую женщину, – признался блондин. – На сайт знакомств хожу иногда, фотки смотрю... Даже написал как-то раз одной. Но побоялся встретиться, если честно. Но там такие дамы – что надо. Ухоженные, наложенные, подтянутые, одеты только в марки. А эта... Серая мышка. Морщинки на мордочке... грудь, наверное, уже того-с, животик дрябленький, пелодка, конечно, небрита...

– Да и бельишко у нее наверняка – отстой, – поворчал

⁴ На сленге посетителей интернетских форумов – высказывание не по теме.

⁵ На компьютерно-интернетском сленге – поиметь, попользоваться.

Двойник. – А я люблю, чтобы красные трусики, чулочки черные...

– Угу, в тебе пип-шоу, стриптиз рулит! – хохотнул шатен.

«Ну, всё! Хватит с меня!» – не выдержала Алёна и повернулась было, чтобы обрушиться на «падонков» – вот именно, никак иначе их не назовешь! – с самыми ужасными оскорблениями, которые только могли прийти ей на ум. Как вдруг ощутила, что с нее сорвали одеяло.

Взвизгнув, наша героиня села, поджав колени и заслоняясь руками, в ужасе оглядывая трех парней, которые разглядывали ее с пристальным, садистски-исследовательским выражением лиц.

– Ну, про ее животик мы пока ничего не знаем, – сказал шатен, – какой он, только при ближайшем рассмотрении выяснится. Насчет груди тоже лучше уточнить на ощупь. Что касается пелодки... Сейчас эпиляция уже немодна, ты что, не в курсе? А про морщинки я тебе вот что скажу: куда от них денешься? Или ты предпочитаешь теток после пластических операций? Золотые нити там в них, рестилайн, силикон... Конечно, выглядеть она может классно, но ведь это уже не женщина, а, типа, чисто конкретно апгрейд⁶. А наша очень даже натуральненькая вся.

– Да, запал ты на нее... – пробормотал Двойник весьма скептически. – Вот уж йопт...

⁶ Апгрейд – переукомплектация устаревших моделей компьютеров новыми деталями.

– Пока еще нет, но скоро будет, – с ухмылкой пообещал шатен.

– Да вы что?! Рехнулись?! – обрела наконец дар речи Алёна. Она хотела выкрикнуть слова возмущения, но не получилось: из груди вырвался только слабый хрип.

– А что такого? – ухмыльнулся шатен.

Алёна мимолетом подивилась тому, насколько трезв и сосредоточен его взгляд, как осмысленно звучит голос. Да и остальные... Они больше притворялись пьяными, чем были на самом деле. Но зачем? Что значит та дурь, которую они на себя напускают?

Додумать не удалось, шатен заговорил снова:

– Вам что-то не нравится? А мы вот решили доставить вам удовольствие... Не часто в жизни небось такой кайф выпадет, как потрахаться сразу с тремя бравыми молодыми мужиками. Да ладно притворяться! По глазам вижу, ты ж только о том и мечтаешь!

– Как ты сме... – попыталась было вскрикнуть Алёна, однако шатен мгновенно оказался рядом и зажал ей рот:

– Помолчи, тетя. Лучше помолчи. А то, если крик поднимешь и кто-то сюда прибежит, мы ведь что скажем? Что ты к нам приставала. Стриптиз тут перед нами изобразить решила. Начала раздеваться, да только страху на нас нагнала. – Он издевательски хохотнул. – Подумала, что если мы выпили, то прям сразу на тебя накинемся. Да не на тех напала! Мы ведь люди женатые... – У него вдруг дрогнул, словно со-

рвался, голос. – Короче, лучше молчи. А то поднимем шум сами и выставим тебя так, что весь вагон в лежку будет лежать от смеха.

– Да кто вам поверит? – рванулась из-под его руки Алёна. – Кто поверит, что я к вам приставала? Нужны вы мне! Я скажу, что... Скажу, что есть!

– А что есть? – хмыкнул Двойник. – Скажете, мы хотели вас изнасиловать, да? Да вас за ненормальную примут. Мол, паранойя у вас. Мания преследования. Или наоборот, что вы выдаёте желаемое за действительное. Нужны вы нам! Ни у кого из нас даже не встало. Хотите, покажу?

И он взялся за ширинку.

– Нет! – в ужасе отпрянула Алёна. – Не надо! Отстаньте от меня! Не смейте!

– Отстанем, не бойся, – с ненавистью поглядел на нее шатен. – Тебя, такую пакость, никто трахать и не хочет. Да неужели ты всерьёз приняла то, что мы тут флудили? Да просто издевались над тобой. И ты заслужила, тварь, уродина. Да ты посмотри на себя! Посмотри на свои тряпки!

Он рванул ее за футболку.

– Одета, как старуха! И кому ты нужна? Какой нормальный молодой мужик тебя захочет? Только натуральный геронтофил. А здесь таких нет! Нам молодые, красивые телки нравятся. Такие, как наши собственные жены. А на тебя нам и плюнуть противно!

Алёна отпрянула, зажала уши. Слезы так и жгли глаза.

Слезы унижения, ненависти. Никогда в жизни она не испытывала ничего подобного! Умереть бы сейчас... вот в эту самую минуту...

– Да ладно сопли распускать! – усмехнулся шатен.

И Алёна подумала, что он, пожалуй, ненавидит ее больше других. Но за что? Да ни за что. Она его в жизни не видела. За самый факт ее существования, что ли? Ненависть порою спонтанно вспыхивает между людьми – совершенно необъяснимая, патологическая, уничтожающая все вокруг себя ненависть. Шатен явно заводи́ла в их компании. Двойник тоже глядит на нее омерзительно. Глазами Игоря. Какой кошмар, какая боль! Блондин же так, пристяжная, статист. То ли не настолько зол, как двое других, то ли выпил больше и думает лишь о том, чтобы уснуть.

Алёна страстно взмолилась о том, чтобы пьяные попутчики наконец уснули. И тогда она... Что она тогда сделает? Да соберется и сбежит отсюда, вот что! Гори оно все синим пламенем! Боже мой, а она-то думала, что ей повезло – нашелся билет. Ничего себе – повезло!

– Хватит сопли распускать, – повторил шатен. – Давай лучше выпей. Налей-ка ей по-быстрому...

Двойник набулькал в стакан коньяку до половины, сунул Алёне.

Она покачала головой, убрала руки за спину.

– Бери, бери! – склонился к ней шатен. – Не заставляй применять силу. Мы все равно тебе в глотку вольем. Будем

держат за руки, за ноги, но вольем. Ты уж лучше сама, сама, сама... быстро, быстро, быстро... – Он хохотнул. – А то ведь мы можем и возбудиться от твоего сопротивления... Инстинкт охотника ка-ак проснется! Или ты как раз того и хочешь?

– Мне бы очень хотелось, чтобы вы сдохли, – пробормотала Алёна, уворачиваясь то вправо, то влево от стакана, который шатен подсовывал к ее рту.

– Полное совпадение желаний, – проскрежетал он. – Я б тебя своими руками придушил, еще и с удовольствием. Пей, ну!

– Не буду.

Глаза шатена мрачно блеснули:

– Ты внушаешь мне жуткое отвращение, но, если я еще немного выпью, у меня точно встанет. Таковы причуды моей физиологии. И я тебя оттрахаю. А потом и мои друзья-приятели присоединятся. Ты этого хочешь?

– Нет! – прошептала Алёна. – Не надо.

Она шептала не от страха, хотя ей было страшно. Она шептала, чтобы не зарыдать перед ними. Если она заплачет... Казалось, ей не пережить такого унижения. Если заплачет, только и останется потом с собой покончить, честное слово!

– Зачем вы хотите, чтобы я пила?

– Затем, – ухмыльнулся шатен. – Утром допетришь. Пей, ну!

Стакан с силой стукнулся о зубы. Мерзкий запах дурного коньяка ударил в нос, а потом спиртом обожгло рот. Она глотала медленно, с отвращением, сосредоточенно думая, как о чем-то важном, что никогда, никогда в жизни больше ни глотка коньяка ни сделает. Никакого! Даже проклятушего миллезимного арманьяка!

Наконец-то полстакана кончились. Во рту жгло.

– Еще? – спросил шатен, пристально глядя в глаза Алёны.

Она слабо качнула головой. От легкого ее движения лицо шатена вдруг расплылось.

– Ага, – сказал он довольным голосом и слегка толкнул Алёну в плечо. Она откинулась на подушку.

– Готова? – равнодушно поинтересовался Двойник, зевая.

– Наконец-то, – буркнул блондин, стаскивая свой зеленоватый пуловер и расстегивая брюки.

«Они милосердны, – вяло подумала Алёна, с трудом управляясь с разбредающими мыслями. – Они собрались меня изнасиловать, но хотят, чтобы я это легче пережила. Потому и напоили. Какое, к черту, милосердие, о чем я?! Они просто хотят, чтобы я тупо спала, пока они будут...»

– Готова, – пробормотал блондин. – Спит.

– Я же говорил, что все будет чики-поки! – обрадовался шатен. – Вот дело и сделано. Только, малчег-красафчег... только давайте уж, как решили, – не выдавать, если что. 14AA41 – и все тут. Договорились?

– Договорились, отвяжись, – слышался голос Двойни-

ка. – 14АА41.

Алёна с невероятным трудом подняла тяжелеющие веки.

– Игорь... – прошептала чуть слышно. – Как ты можешь...

Я тебя так... так...

– А тебя разве Игорем зовут? – спросил кто-то.

Алёна не поняла кто. Она хотела посмотреть, но не смогла. Веки стали совершенно каменными и упали. Тьма сомкнулась перед ней и втянула в себя, как водоворот втягивает неумелого пловца.

Телефонный разговор, имевший место быть за месяц до описываемых событий

– Привет. Слушай, ты знаешь, что Тонька с Романом разводятся?

– Да ты что!

– Отпад, да? Я тоже как узнала, просто онемела.

– Но почему?

– Тонька не рассказывает. Ревет все время. Ничего не говорит, только бормочет, что все кончено.

– А, ну понятно... застучала с кем-нибудь, наверное.

– А он что, погуливал?

– Ну, я не знаю. Вообще-то не видела его ни с кем, но можно зашифроваться как угодно. Чтоб с такими глазами да не гулял? Под него же девки сами ложатся!

– А может, сама Тонька погуливала, а он ее накрыл?

– Ага, эта курица? Да кому она нужна! Если бы не папочка ее, думаешь, Ромка на ней женился бы? Такой парень, красавец. Все девчонки, глядя на него, вон как облизываются, прям слюнки у всех бегут. А она? Без слез не взглянешь. Другое дело, что папочка им сразу и квартиру, и машину, и работу для Ромки в... как его... ну, новый центр открыли...

– Он что, ушел со старой работы?

– Да вроде. На новом месте и зарплата больше, и клиентура совсем другая. А теперь, если он с Тонькой расходится, его в два счета оттуда выпрут.

– Да нет, не выпрут. Он и сам приманка для клиентуры. Сейчас на него богатенькие дамочки тучей налетят, расклюют!

– Ну, может быть...

– Не, я всегда говорила, что брак по расчету хорош до поры до времени. Потом мужик обязательно начнет гулять. Машина, квартира – оно, конечно, хорошо, но стояк-то у них не на квартиру и не на машину. Надо же, какое совпадение: у одной моей знакомой барышни аналогичная история. Тоже разводиться собрались, но, честно, не знаю, дойдет ли до развода. Где-то застучала муженька, скандал закатила, а теперь, я так чувствую, на попятный.

– Из-за ребенка?

– Ну, ребенок ребенком, да только кто в таких делах о детях думает. Нет, у них бизнес совместный. Отец ее большая шишка, а парень... Он откуда-то с Урала, что ли. Был тощий,

голодный, а сейчас – ну что ты! Валья-ажный такой... Но у него на морде написано: «Хочу трахаться!»

– То есть он как был голодный, так и остался?

– Ага! Только в другом смысле.

– Ну и что та барышня?

– Да ничего особенного. Прикинула, что теперь бизнес нужно делить, – и ревность в карман засунула, куда подальше. Да и правильно. Подумаешь, мужик гуляет. А кто из них, кобелей, не гуляет? Где-то я читала... а, у Бегбедера: мужчине нужно трогать как можно больше женщин, чтобы убедиться, что его – самая лучшая.

– Трогать? В смысле, щупать?

– Ну да. В смысле – лапать.

– Ага. Как всегда, значит: им можно, а нам не моги.

– Да почему? Моги, только осторожно... Но это не телефонный разговор. Ладно, при встрече раскроем тему.

– Да, при встрече... Мы с тобой уж сто лет не виделись! Опять в последний момент что-то придумаешь!

– Да ладно тебе... А скажи, откуда Тонька узнала, что Ромка гуляет?

– Да вроде бы кто-то ей сказал, не знаю точно. То ли подруга какая-то засекла, то ли вообще аноним настучал.

– Серьезно? Ну и суки! Бывают же люди... Подруга, главное! Да таких подруг надо топить в сортире! Вот же народ, блин!

– Точно, жуть. Покоя им не дает чья-то нормальная жизнь,

надо изгадить. Я б на месте Тоньки, вместо того чтобы с мужиком разводиться, ту подругу кислотой облила.

– Вместе с той, с кем Ромка спал.

– Слушай, а может, он с подругой и спал? А потом ее бросил, и она из мести...

– Да я, честно, даже не знаю точно, кто на него настучал, подруга или просто случайный какой-то человек.

– Не, ну а случайному какое дело до того, с кем Ромка спит? Зачем ему в чужую жизнь лезть?

– А ты представь, вдруг та девка была его жена. Ну и понятно...

– Погоди, так Тоньке мужик, что ли, настучал?

– Откуда мне знать? Ничего я не знаю, кроме одного: Тонька с Ромкой разводятся, и все.

– Точно – все... Приплыли, называется... Бедняги. Никому не дай бог!

* * *

– До свиданья, – пробормотала Алёна, неловко сползая по ступенькам. – Спа... – Чуть не сорвалась, но успела схватиться за поручень. – Спасибо.

– Не за что! – отозвалась проводница.

Она еле сдерживала смех. Алёна слышала, как вибрирует ее голос. Можно представить, что тетка расскажет товаркам, лишь только вернется в вагон!.. Нет, лучше не представлять.

Однако картина воображаемого рассказа уже не могла исчезнуть из головы Алёны, которая всегда отличалась буйной фантазией. Другое дело, что никогда, даже в самом разнузданном буйстве, ее пресловутая фантазия не рисовала картин, хотя бы отдаленно, хотя бы приблизительно напоминающих то, что ей пришлось пережить нынче ночью.

Алёна вяло брела по перрону, опустив глаза и вздрагивая, когда кто-то из многочисленных таксистов или просто частников, оккупировавших платформу, бросался к ней с предложением отвезти в Шереметьево, Домодедово, Внуково, на Курский вокзал, на Савеловский и даже на Ленинградский с Ярославским. Учитывая, что наша героиня сейчас находилась на Казанском вокзале, через площадь от двух последних, предложение свидетельствовало о глубоком чувстве юмора столичных водителей.

При мысли о деньгах Алёна безотчетно сунула руку в карман куртки и пошелестела лежащими там купюрами. Тридцать тысяч рублей: четыре оранжево-розовых пятитысячных, пять голубых тысячных бумажек и еще десять малиновых пятисоток. Каждый из трех попутчиков, значит, заплатил ей по десять тысяч рублей. За что?

Она споткнулась.

– Осторожней, девушка! – вскрикнули рядом.

А, ну да, она чуть не сшибла кого-то. В глазах темно, и подгибаются колени.

Алёна устало провела рукой по лицу. Кожа казалась ужас-

но сухой, будто бы даже поскрипывала. Это слезы на ней за-сохли. Значит, она все-таки плакала. Только не могла вспом-нить когда...

Надо поскорей умыться, в поезде не успела. Ничего не успела – ни умыться, ни даже сходить в туалет. Она просну-лась (вернее, очнулась от тяжелого, словно комья сырой ва-ты, сна), когда кто-то сильно потряс ее за плечо и тонким от изумления голосом сказал:

– Ты что тут делаешь?!

– Сплю, – пробормотала Алёна. – А что, уже пора просы-паться?

– Пора просыпаться? – Голос поднялся до визга. – Ниче-го себе! Да мы ж давно в Москве! Все уже вышли, одна ты дрыхнешь тут. Вставай, живо!

Алёна с трудом заставила себя сесть. Голова болела, боле-ла, болела и была такая тяжелая, будто ее сырой глиной на-били. Над Алёной склонялась проводница, глаза так и липли к лицу, так по нему и ползали, чудилось, оставляя клейкие следы:

– Что ж твои попутчики тебя не разбудили? Ну, хорошо вы гульнули! Как же я ничего не слышала? А деньги кто раз-бросал? Мальчики забыли, что ли?

С невероятным усилием протирая глаза, Алёна увидела, что на столике стоят пустые бутылки из-под конька и шам-панского, валяются пластиковые стаканчики, а под Алёни-ной косметичкой, с вечера оставленной на столике, лежит

солидная пачка купюр. И рука проводницы замерла над ними, пальцы подрагивают в нерешительности...

Алёна мгновенно все вспомнила и резким движением натянула до горла одеяло. Ужас так и плеснул в лицо: она лежит голая! Проводница все поймет!

Но нет: на ней была родимая футболка и родимые же велосипедки. Она не раздевалась? *Ничего* не было? Или ее одели – *потом*? Значит, *это* было? Наверное... Иначе почему же, прежде чем выскочить из вагона в числе первых и в сей же секунд раствориться в огромной Москве, парни оставили ей деньги? Клиенты оставили деньги проститутке!

– Катя, ты что там застряла? – раздался голос в коридоре.

Проводница отдернула руку, зависшую над столиком, и выскочила из купе:

– Ой, Надежда Федоровна, иду, иду, у меня тут девушка прособиралась! Но она выходит, выходит уже!

Рука проводницы за ее спиной сделала несколько резких движений туда-сюда: живо, мол, выметайся! А потом сжалась в кулак, как бы демонстрируя, что будет, если она не поспешит.

Впрочем, Алёну не нужно было понукать, ей не нужно было грозить. Кое-как натянула поверх футболки свитер, а поверх велосипедок – брюки, сунула в сумку колготки, трусики и лифчик, не глядя, дернула щеткой волосы, сунула босые ноги в туфли. Напялила куртку, схватила сумку, ринулась к двери, стараясь не смотреть на проводницу.

Эта Катя все поняла, конечно. Невыносимо представить, как она будет хохотать над несуразной пассажиркой, которая всю ночь неизвестно чем – вернее, известно чем! – занималась с молодыми соседями по купе, которые напоили ее допьяна, а потом... Наверняка эта Катя решила, что все было именно так. Опытная женщина, небось всякого навидалась. И расскажет другим проводницам, и вообще – всем своим подружкам и знакомым.

Алёну скрутило рыданием.

Катя повернулась, посмотрела холодными, насмешливыми, всепонимающими глазами:

– Ну и что теперь реветь-то? Силком тебя имели, что ли? Небось еще и сама их просила. Помню, как ты в гости зазывала того, кто тебе на постельное белье деньги дал... Ну вот и зазвала. Так что не реви, пошевеливайся скорей. Что ты еле двигаешься, как неживая? Пить надо меньше. Да, да, надо меньше пить! Или что, сразу трое участвовали? Во все дырки драли, что ли?

Проводница хихикнула.

– Вы что?! – с трудом шевеля губами, выдавила Алёна. – Что вы мелете?! Как вы могли подумать такое, как могли...

– Ну, большое дело! – пожала плечами Катя. – Ты поработай с мое на транспорте, еще и не такое подумаешь. Такого нагладишься, что уже ничему удивляться не будешь. Точно тебе говорю! Другие в твоём возрасте мальчиков красивеньких за денежки нанимают. А тебе еще и приплатили как

хорошо... по высшему разряду. Нормальным девкам надо небось полмесяца вкалывать, чтобы столько заработать!

Глаза Кати снова с живейшим интересом устремились к деньгам, которые Алёна сжимала в кулаке.

Деньги со столика она брать не собиралась, но они сгреблись как бы сами собой, будто приклеились к косметичке, которая их прикрывала.

Может, отдать проводнице, пусть подавится? Купить этими деньгами ее молчание?

Да больно уж баба поганая. Не уймется, начнет мести языком, будто помелом. Получится, что за свой позор ей же и заплатишь.

Переживет! Обойдется! Перетопчется!

Алёна сунула купюры в карман и ринулась вон из вагона. Хотелось оказаться как можно дальше отсюда – от поезда, от перрона. Как можно дальше!

Желание было таким острым, что она даже не смогла заставить себя зайти в туалет тут же, на Казанском вокзале. Не поленилась добежать до подземного перехода, перейти на другую сторону площади, подняться на второй этаж Ярославского вокзала – и только там начала приводить себя в порядок.

Народу здесь было мало, никто не обращал на Алёну никакого внимания, и она, забившись в кабинку, переоделась – торопливо, как бы воровато, стараясь не касаться своего тела. И так же старалась не думать ни о чем – только о том,

как поскорей привести себя в порядок. Но мысли бились, бились, словно птицы о прутья клетки.

Сделали они что-нибудь с ней? Или нет?

Она не помнила.

«Червонная дама, четыре валета...»

Нет, «валетов» было только три. Но и их вполне достаточно!

Вроде бы тело говорило, что нет, ничего эти трое с ней не сделали. Никаких следов... Все же она была опытной женщиной и, уж наверное, поняла бы, если бы провела ночь... вернее, если бы с ней провели ночь трое молодых мужчин.

Мелькнула мысль зайти в пункт анонимного обследования, показаться гинекологу. Ага, хорошая мысль. И что сказать? Извините, меня, мол, собирались трахнуть трое красавчиков, но что-то я не пойму, трахнули или нет, так, что ли?

Можно представить реагаж...

Нет, скорей всего, «валеты» ее не тронули. Но зачем, зачем было проделано все это цирковое представление? С пьяного необъяснимого куража? Или чтобы унижить женщину? Показать: ты была в нашей полной власти, мы могли уделать тебя и так, и этак, но не стали, потому что нам до тебя и дотронуться противно?

Ну да, для женщины с такой степенью гордыни, как у Алёны Дмитриевой, неизвестно еще, что более оскорбительно: отбиваться от разнузданных молодых стебарей или чувство-

вать их отвращение к ней...

Нелепо, да? Любая порядочная женщина оскорбится такой постановкой вопроса? Одно из двух: или Алёна Дмитриева ненормальная, или... Или пусть нормальная сунет в карман свое ханжество. Пренебрежение оскорбительно любой женщине!

Алена вспомнила Константина и Андрея, двух своих нежных приятелей. Но сейчас воспоминание, которое всегда повышало жизненный тонус, принесло только боль. А что, если и им она противна? Что, если и они приходят к Алёне лишь потому, что она поднакопила за жизнь немалый опыт, который парни с удовольствием перенимают? Потому приходят, что она весела и умна, раскованна, охотно соглашается на самые невероятные эксперименты? А в глубине души и Константин, и Андрей не имеют ничего против того, что встречи происходят при плотно задернутых шторах, в полумраке, когда не видно... Как там было сказано? «Морщинки на мордочке... грудь, наверное, уже того-с, животик дрябленький, пелодка, конечно, небрита...»

Да будьте вы прокляты с вашим хамством, с вашим сленгом, «падонки»!

Кое-как причесавшись, трижды почистив зубы, умывшись и нанеся на враз осунувшееся лицо крем, Алёна не поленилась спуститься вниз, на привокзальную площадь, купить в продуктовом магазинчике (продавщица смотрела равнодушными, стеклянными глазами, ей не было никакого дела до

всклокоченной дамочки с безумным лицом, и Алёна была благодарна за ее равнодушие чуть ли не до слез) большую бутылку воды, в аптеке – три пачки одноразовых платков и гигиенические салфетки, потом вернулась в туалет, разделась в кабинке и устроила себе что-то вроде душа. Стало чуточку легче. В косметичке лежал пробничек любимых «Burberry Touch». Духи эти Алёна берегла пуще глаза, но сейчас уж было не до экономии. Флакончик опустел, и Алёна почувствовала, что от нее перестало шибать коньяком и развратом. Она могла бы теперь послужить ходячей рекламой фирмы «Burberry» и, по совместительству, образцом дурного вкуса (приличные женщины не употребляют парфюм в таком количестве!), но это ее заботило меньше всего. Да и о каких приличиях можно говорить в данной ситуации, вы что, люди добрые?!

Подкрасив глаза и подмазав губы, Алёна сочла, что стала похожа на человека, хотя бы отдаленно. Ужасно захотелось есть. Теперь она направила все свои мысли только в русло насыщения и не позволяла им сворачивать в другом направлении. Думала о любимой овсянке на воде с белым изюмом, старательно жалела о том, что невозможно съесть кашу. Ну ничего, творог – тоже хорошо. Зашла в магазин и купила две творожные «Активии» с курагой (15 процентов бесплатно!), пластмассовую ложечку и стаканчик кофе.

Потом еще один стаканчик. И еще.

Наконец-то сырая вата, которой с самого утра была набита

голова Алёна, исчезла оттуда. Но счастья нашей героине это не принесло. В освободившееся пространство полезли мысли, которые она до сих пор старательно изгоняла.

На часах девять. В издательство еще рано, тамошний народ к половине одиннадцатого на работу приходит, касса открывается в половине первого, а встреча с редакторами и корректорами назначена писательнице Дмитриевой вообще на вторую половину дня.

Куда же ей податься, вышеназванной писательнице?

Алёна посмотрела в окно и увидела вывеску отделения милиции.

Так... например, можно зайти сюда и написать заявление о том, что трое попутчиков силком влили в нее полстакана мерзкого коньяка, а потом...

Бред. Никто и слушать не станет. Только на смех поднимут.

Сказать, что они ее мерзко оскорбляли своими разговорами о пелодках и женщинах-апгрейд? Во-первых, поди докажи, что такие разговоры имели место быть. Во-вторых, с точки зрения вокзальных ментов, которые, очень может быть, никаких других слов, кроме матерных, знать не знают и ведать не ведают (и их, ей-богу, можно понять, такова уж специфика работы), подобные слова вовсе даже не оскорбления, а совершенно нормативная лексика. И, конечно, кто-нибудь скажет, посмотрев в паспорт Алёны, где указана дата ее рождения: «А чего вы, женщина, хотели, в вашем-то возрасте?

Вам же заплатили! Зачем тогда деньги брали?»

Нет. В милицию – нет!

Никакого преступления не совершено. Убита женская гордость, но это уж, знаете, ваши личные трудности, Елена Дмитриевна Ярушкина, Алёна Дмитриева тож. Скромнее надо быть, девушка! Скромнее!

И что, она все так и оставит? Утрется?

А что, что, что тут можно сделать, кроме того, что утёреться? Она ведь даже фамилий парней не знает! Вообще ничего о них не знает, только то, что один из них – блондин, второй – шатен, третий – брюнет, похожий как две капли воды на некоего Игоря Туманова, только зовут его не Игорь. Вся информация!

Вернуться разве к проводнице, как ее там, к Кате? У нее на копиях билетов есть фамилии парней, номера паспортов.

Ага, так она тебе их и даст... Ждите ответа! Скажет, что не положено, не имеет права, – и все. По большому счету, она права. Конечно, если бы данные затребовала милиция...

Ну, с милицией ясно и понятно.

А может, предложить Кате деньги? Вот эти самые тридцать тысяч?

Алёна нерешительно оглянулась, как если бы отсюда, с Ярославского вокзала, могла увидеть свой поезд, стоящий на перроне Казанского. Не видно. К тому же его уже, конечно, давным-давно отогнали куда-то на запасные пути. Поди найди тот ножичек!

Можно будет поискать Катю в Нижнем. Можно. И даже найти можно. А вдруг она упрется и все равно ничего не скажет?

Очень может быть, между прочим. Если история выйдет наружу, она запросто лишится работы. Сейчас с этим строго. Кстати, не исключено, что парни ей тоже заплатили – именно за то, чтобы она их не выдавала. И она отдала им копии билетов. Поэтому будет молчать, как рыба об лед, выражаясь языком какого-то персонажа Тэффи. Конечно, останется еще общий железнодорожный компьютер с фамилиями и номерами паспортов всех, кто покупает билеты на РЖД. Но к нему Алёне вообще в жизни не подобраться. Вот если бы милиция запросила информацию...

Опять за рыбу гроши!

Нет, надо все забыть. Поскорей забыть и не дергаться. Выкинуть из головы, как будто и не было в жизни Алёны Дмитриевой этой ночи, этих трех парней, которые ее... Которые, очень может быть, и в самом деле ничего с ней не сделали, только страшно, невероятно, чудовищно унизили. За что, зачем, ради чего? Чтобы заплатить ей тридцать тысяч?

Нет, правда, сумма очень даже немалая. И за что?

Фантастика какая-то, честное слово...

А что, собственно, фантастического?! Зачем усложнять ситуацию? На самом деле все просто. Ну очень просто. Парни вчера перепились, вот и начали куражиться над невзрачной и с виду затурканной бабенкой. К утру парни очухались,

оценили последствия куража и испугались, что бабенка, проспавшись, заявит в милицию. И решили от нее откупиться самым пошлым образом.

Ну и откупились. И даже весьма щедро, не правда ли? Будь Алёна той, за кого они ее приняли, она бы, очень может быть, была даже счастлива...

А она не счастлива. Вот вообразите себе! Не счастлива, и все тут.

Она чувствует себя оскорбленной еще сильнее. Поруганной себя чувствует!

Надо вышвырнуть поганые деньги, эту оскорбительную подачку! Пусть их ветром разметет, пусть вокзальные бомжи подберут презренные бумажки и пропьют их!

Алёна с яростью сжала кулак в кармане куртки и вытащила его. Скомканные купюры торчали между ее пальцами, как разноцветные червяки. Алёна брезгливо передернулась и уже начала разжимать было пальцы, как вдруг нахмурилась озадаченно.

Ну да, все это очень хорошо, конечно, весьма благородно. Прямо тебе Настасья Филипповна, которая бросает деньги Рогожина в камин... Сколько там было-то, в той пачке? Сто тысяч, кажись? Да, сурово... Выбросить купюры – классное средство для растоптанного, изнасилованного самолюбия. Но каким образом писательница Дмитриева доберется потом до издательства? Оно ведь аж на «Войковской» расположено. Туда на метро пилить да пилить. Сначала по кольцу

до «Белорусской», потом по радиальной...

Ладно. Алёна возьмет из грязных денег ровно семнадцать рублей на проезд, а остальное вышвырнет к черту.

Хотя стоп... Она ведь деньгами уже немного попользовалась: покупала воду, потом творожки, ложечку, платочки одноразовые, салфетки гигиенические, кофе черный... Сотни как не бывало.

«Это ничего не значит!» – запальчиво сказала сама себе Алёна. Не считается! Она просто забылась. Совершала покупки почти в бессознательном состоянии.

Хорошо, тогда так. Она заберет из оставшихся денег только семнадцать рублей на метро, а остальные выбросит в урну. Немедленно! В издательстве ей дадут гонорар, и никаких проблем не будет.

Алёна отсчитала ровно семнадцать рублей, положила их в карман, остальные же купюры, брезгливо придерживая двумя пальцами, понесла к ближайшей урне.

– Дёвушка... – тихо сказал в ту минуту кто-то за ее левым плечом.

Алёна оглянулась. Рядом стояла невысокая женщина лет тридцати со скорбным выражением смуглого, худощавого лица. На ней были черный платок, черная тяжелая куртка и черная юбка почти до земли. Волосы у нее тоже были черные, ну и глаза в тон.

– Дёвушка, помогите, – пробормотала женщина с отчетливым акцентом.

Алёна растерянно моргнула. Видимо, и в самом деле крепко незнакомку приперло, если называет *дэвушкой* особу старше себя лет на десять как минимум.

– Мы с сыном ехали на похороны моей сестры, – тихо проговорила женщина, глядя на Алёну с молящим выражением и выдвигая из-за спины мальчика лет тринадцати, такого же чернявого и худенького, как она сама. – И нас обокрали. Сумку разрезали, все вытащили. Теперь даже доехать не на что. А сестра, бедная Айша, жила в Ярославле. Нужно на билет собирать. Пожалуйста, хоть немного денег дайте... помогите, чем можете...

– Ах вы, бедняжки! – воскликнула какая-то бабулька, тащившая мимо сумку-тележку и невзначай прислушавшаяся к разговору. Сунула мальчику несколько монеток. – На, купи себе мороженое.

– Спасибо, бабушка, – всхлипнула женщина, а мальчик проводил добрую бабулю странным взглядом.

– Скажи бабушке спасибо, – дернула его за рукав мать, и отрок послушно просвистел сквозь зубы:

– Спссс!

– Дэвушка, помогите, а? – простонала женщина, шныряя черными глазами от купюр, зажатых в руке Алёны, к ее лицу. – Ради Христа!

– Какой-то тебе Христос? Ты ж небось мусульманка! – хмыкнул проходящий мимо парень с яркими голубыми глазами и соломенными волосами. – Во наблатыкались, а? У

японца попрошайничала бы, то кого б вспоминала? Не давай ей ничего, слышишь! Дурят вас, дурят... Ну сколько можно дурить?!

Мальчик что-то буркнул, Алёна различила звуки «е», «б», «х» и некоторые другие, а впрочем, все слилось в единый речевой поток. Наверное, это было какое-то их национальное выражение неодобрения.

– Не слушай злых людей, пожалей нас! – исступленно звала женщина, и глаза ее словно бы впились в глаза Алёны, ввинтились в ее зрачки, как два буравчика, и продолжали бурить мозг глубже и глубже, словно стремились добраться до того места, где располагалась та самая жалость, к которой она и взывала. – Помоги, краса-авица, помоги нам!

Ну если уж она не только *дэвушка*, но и *краса-авица*... А те в поезде как ее называли?!

Алёна пожала плечами и протянула женщине то, что сжимала в руке:

– Возьмите. Всё возьмите. Да берите же! Тут почти тридцать тысяч. Вам хватит, чтобы доехать до места, там пожить и назад вернуться. Еще и семье сестры своей поможет.

Маленькие черные глаза женщины стали большими-пребольшими.

– Кому? – спросила она растерянно.

– Ты чо, мама? – по-взрослому неодобрительно посмотрел на нее сын. – У тебя чо, склероз? Мы ж к тете Айше, к твоей сестре, едем в Новгород. На похороны. У нее же муж умер.

Ты чо, забыла?

Вроде бы сначала было сказано, что упокоилась сама бедная Айша, причем в Ярославле, а не в Новгороде. Или Алёна что-то перепутала? Может, Айша умерла в Ярославле, а муж ее – в Новгороде? А впрочем, все это не играло никакой роли. Главное – избавиться от денег!

Алёна почти насильно всунула красно-голубовато-малиново-желтую пачку в маленькую смуглую руку, брезгливо отерла ладонь о брюки (мало того, что деньги обжигали ее, еще и рука женщины оказалась потной и неприятной) и ринулась к метро.

Может, конечно, чернявые мамаша с сыночком на самом деле жулики. Но неважно! Главное – проклятые деньги больше не марают ей руки. Конечно, лучше бы, если бы мать и сын и впрямь оказались жертвами вокзальных грабителей. Тогда деньги, полученные Алёной от мерзких парней, словно бы очистились, поскольку пошли бы на благое дело. Да и сама она словно очистилась бы...

Ага, теперь осталось только завернуться в драдедамовый зеленый платок – «общий такой у нас платок есть, драдедамовый»! – накрыть им совсем лицо и голову и лечь на кровать, лицом к стенке... чтобы только плечики да тело все вздрагивали... совершенно как у Сонечки Мармеладовой. А сестра злосчастной Айши, ни слова не говоря, подошла бы к постельке Алёны и весь вечер в ногах у ней на коленках простояла, ноги бы ей целовала, встать не хотела... Ну один

в один Катерина Ивановна из «Преступления и наказания»!

Нет, лучше выкинуть все из головы. Все, что случилось, забыть!

Главное доказательство несусветного унижения Алёны Дмитриевой – поганые деньги – считай, выброшены. Она свободна.

Забыть!

– Дэвушка! Да подождите, дэвушка!

Вообще-то Алёна отвыкла по жизни от такого обращения, однако сегодня ее называли подобным образом второй раз, можно было и обратно привыкнуть. Наша писательница обернулась и с изумлением уставилась на две догонявшие ее особы.

Вот уж кого никак не ожидала увидеть вновь! Ведь это были те самые мама и сын, которым она только что и с превеликим душевным облегчением спланила на Ярославском вокзале деньги, заработанные темной, жуткой ночью.

Почему они бегут за Алёной? Отчего не направляются напрямик в Ярославль, Новгород или куда им там было нужно? Как бы бедную Айшу и ее столь же бедного супруга не схоронили без них.

– Дэвушка! – Мамаша обогнала сына и махала рукой, сигналивая Алёне. – Подождите! Ох, мы аж запыхались... Вот, заберите...

И она сунула Алёне то, что держала в руке.

Алёна присмотрелась – да так и ахнула: это были деньги.

Те самые грязные деньги, от которых она с таким облегчением избавилась! Алёна узнала тысячные купюры (на одной что-то вроде буквы «зю» в верхнем уголке), да и вид прочих был знаком. Четыре пятитысячных. Пять тысячных. Пятисотки и прочее.

– Что? – пробормотала она, не веря глазам и ушам. – Забрать? Почему?

Мелькнула мысль: женщина каким-то образом (каким, интересно?) прознала о том, сколь несусветным образом достались щедрой «девушке» деньги, и решила не поганиться о них и не поганить своего невинного сыночка.

Нет, бред. Тогда второй вариант: насильники подсунули Алёне фальшивые деньги. Чернявая мать пошла с ними брать билеты в кассе, а ей там и открыли глаза. Еще повезло, если не вызвали милицию, сейчас с фальшаками строго. И вот она, пылая праведным гневом...

Хотя нет. Прошло минут пять, она не успела бы ни к какой кассе. Да и гнева на лице женщины не видать. Зато легко отыскать выражение растерянности и пристыженности:

– Пожалуйста, дэвушка, милая, возьми свои деньги. Нам стыдно. Мы ж тебя обманули!

Алёна ошеломленно хлопнула глазами.

Мамаша топталась на месте и зачем-то размахивала рукой, в которой сжимала деньги, а другой рукой она постоянно проводила по лицу, словно пыталась стащить прилипшую к нему маску стыда, да все никак не удавалось. И говорила:

– Нету у меня никакой сестры в Ярославле. И в Новгороде нету. И Ваха мне не сын, просто подельник. Мы с ним деньги обманом у людей выпрашиваем, потом старшему сдаем. Обычное дело! Конечно, лохов сейчас поменьше стало, народ ученый, а все же часто удается мозги людям запудрить, не бедствуем. Никогда не было нам дураков жалко, но теперь... теперь решили людей больше не обижать. Забери свои деньги. Возьми, слышишь?!

И тут случилось, как утверждала впоследствии Алёна, чудо: деньги сами вползли к ней в руки. В то же мгновение мама с сыном резко повернулись и кинулись наутек, словно Алёна была работником милиции, которому они только что всучили взятку – и сами испугались содеянного...

Алёна была так ошарашена, что только головой покачала. Потом тупо повернулась – и пошла своей дорогой в метро, сжимая деньги в кулаке и размышляя о странностях человеческой природы. Ночью в поезде парни, которые казались порядочными людьми, жестоко оскорбили свою спутницу, а двое гнусных вокзальных бомбил, фальшивых побирушек, а то и откровенных воришек, вдруг решили покаяться и даже вернуть деньги, которые выманили у жертвы обманом. Ну не чудеса ли в решетке?

Вообще жаль, конечно, что Алёна не оглянулась. Кое-что интересное непременно явилось бы ее взору. Скажем, она увидела бы высоченного и широкоплечего мужика в милицейской форме, который пронзительным взором мерил ма-

машу с сыночком. Видимо, парочка была ему давно и хорошо известна. Как и ее проделки. Убедившись, что деньги ненормальной дамочке возвращены, он величаво кивнул, погрозил злосчастным бомбилам кулачищем и неспешно удалился, орлиным взором окидывая подвластные ему вокзальные владения.

Упомянутые бомбилы провожали его взглядами, в которых страх смешивался с бессильной злобой.

– Вот же гад этот Васильев, а? – простонал мальчик Ваха злобным взрослым голосом, и все двадцать лет прожитой жизни (он уродился малорослым и тощеньким, поэтому, обладая известным артистизмом, запросто «косил» при надобности под мальчонку) отобразились на его костлявом личике. – Как с неба свалился, никакого спасения от него нет... би-ип (на Ваху, надо сказать, никаких эвфемизмов не хватит, поэтому пошадим читателя, не будем воспроизводить игру его слов!)? А ты тоже хороша, сразу кинулась деньги возвращать, би-ип... Нам же старшой говорил: если Васильев снова наедет, бежать напрямик к нему, к старшому. У него прямая связь с начальником ментуры, там все смазано, все улажено, он бы Васильеву сразу... А ты понеслась, как вздрюченная, би-ип ты этакая!

– Сам ты би-ип, би-ип и переби-ип! – огрызнулась его верная боевая подруга. – Старшой, он где? Ищи его! А Васильев вот он, рядом. Я ж его знаю, он за кулаком в карман не лезет. Ты не видел, как он Кольку разукрасил? Ну, того,

который под инвалида чеченской войны косит? Начал он какую-то мамашу рыдающую бомбить, Васильев тут как тут. Нос Кольке сломал, и ничего! Ни старшой его не остановил, ни ментурский начальник. Васильев же ясно говорил: если кого словит на месте преступления, пощады не будет. А нас он видел! И у нас не пятисотка какая-нибудь, а в особо крупных размерах. Мне со сломанным носом ходить неохота! Понял, би-ип? Да ведь ты и сам струсил, когда Васильева увидел, би-ип!

Ваха горестно вздохнул. Струсил, конечно. Струсишь, если у Васильева кулачище размером с твою голову, только гораздо крепче. И ведь у Васильева таких кулаков два, а голова у Вахи – одна... Поэтому неудивительно, что под взглядом Васильева в его голове возникло неодолимое желание – непременно догнать и вернуть деньги странной тетке, явно принадлежащей к самой редкой, самой лучшей породе лохов. Старшой называет такие личности суперлохами, легенды о встречах с ними передаются из поколение в поколение вокзальных нищих... У Вахи и его «мамаши» (имя ее не имеет значения для развития нашей истории, поэтому не будем обременять им наш и без того многословный текст) были все основания стать продолжателями вокзальной «Эдды», однако они упустили свой шанс.

Впрочем, что слава? Яркая заплатка на нищем рубище певца! Ваха обеими ногами стоял именно на этой точке зрения, а потому потеря почти тридцати тысяч рублей огорчала его

куда больше, чем мелькнувший и исчезнувший призрак славы. Поскольку он был каким-никаким, а все ж таки мужчиной, парень не мог спокойно признать собственную неудачу – ему непременно нужно было выместить ее на ком-нибудь. Злобный мент Васильев находился вне пределов досягаемости, поэтому Ваха кинулся с кулаками на «мамашу». Но та прекрасно знала нрав «сыночка», а значит, была настороже и мгновенно приняла боевую стойку. Спустя мгновение двое лжеродственников истово мутузили друг друга, оглашая окрестности таким количеством «би-ипов», что можно было подумать, будто целый таксопарк собрался на забастовку на площади трех вокзалов. Однако вскоре задрожал асфальт под тяжелыми шагами, и Васильев, словно воплощение вселенского правосудия, навис над нарушителями вокзального порядка.

А теперь, подражая Марку Твену, опустим завесу милосердия над концом данной сцены. Тем паче что она не играет никакой роли в развитии дальнейших событий. Грязные деньги остались у Алёны – вот главное...

Телефонный разговор, имевший место быть за два месяца до описываемых событий

– Алло?

– Это кто?

– А кто вам нужен?

– Это квартира?

– А вы куда звоните?

– Вы вот что, девушка, вы со мной в прятки не играйте, а отвечайте прямо: это квартира?

– А вы что, из милиции или из ФСБ, что меня так допрашиваете?

– Нет, я не из милиции и не из ФСБ. Но я вам сейчас такое скажу, что вы ахнете!

– Ах, ах, ах! – выдохнула женщина-абонент и бросила трубку.

– Алло.

– Квартира Симагиных?

– Опять вы? Оказывается, вы отлично знали, куда звонили! Зачем же все ваши «кто это?», «а это квартира?»... Что вы вообще хотите?

– Вы трубку-то не швыряйте. Подождите, послушайте меня. Я хочу вам кое-что рассказать.

– О чем?

– О вашей жизни, о вашем здоровье.

– Ну, о своей жизни и своем здоровье я и так все знаю.

– Напрасно вы так думаете!

– Ой, ну ладно, некогда мне болтать, у меня дела. А вы что, из какой-то рекламной фирмы? Какие-нибудь очередные добавки продаете?

– Говорите, некогда болтать, а сами болтаете. Я не из фирмы, вот глупости... Я только прошу выслушать меня. И мо-

жете не сомневаться: то, что я скажу, изменит вашу жизнь.

– А, теперь понятно. Вы хотите сказать, мне нужно обратиться к богу, прийти в лоно секты каких-нибудь спасенных братьев и сестер и вместе с ними...

– А кто они такие?

– Кто?

– Ну, спасенные братья и сестры, которых вы упомянули.

– Да хрен их знает! А что, вы меня не к ним зовете? Не к спасенным?

– И в мыслях такого не было. Но спасение вам точно понадобится. И очень скоро.

– Когда?

– Через минуту примерно.

– А что произойдет в ближайшую минуту? Конец света, что ли? Или взрыв бытового газа, не дай бог? МЧС уже вызывать?

– Ох, глупость человеческая... Я серьезно говорю. С газом, надеюсь, все будет в порядке. Взорвется только ваша жизнь.

– Слушайте, вы меня пугаете... Почему она вдруг взорвется? Что произойдет?

– Я вам кое-что скажу.

– Что? Что вы мне скажете?

– Где сейчас ваш муж, вот что.

– Мой муж? Что с ним? Что случилось? Где он? В аварию попал? Вы из милиции? Из «Скорой помощи»? Хотя

нет, они бы так не говорили... Кто вы? Что с Шуркой?

– Вас больше интересует, кто я или что с вашим Шуркой?

– Что с ним?!

– Совершенно ничего. Жив и здоров. Лежит...

– Жив и здоров? Так какого же черта вы мне тут... вы меня тут... вы меня практически до инфаркта довели своими шуточками, вы...

– Да помолчите же! Вы что, не слышали меня? Я сказала: он лежит...

– Ну и что? Нет, то есть как это – лежит? С ним все-таки что-то случилось? Где он лежит?

– Вопрос правильный! Где лежит? В постели. Точнее, на бабе. Точнее, на одной девке.

– Что-о?...

– То, что слышите. Если вы, к примеру, возьмете сейчас такси и приедете на улицу Артиллеристов, к дому 26 б, то увидите, что там припаркован «Хендэ» вашего мужа.

– И он что, там? С ней в машине? Он...

– Да погодите реветь! Ну кто в машинах средь бела дня трахается? И холодно еще, не лето... Нет, они не в машине. Я же говорила: в постели они. Улица Артиллеристов, дом 26 б, третий подъезд, квартира 80, на втором этаже. Вы только не ломитесь в дверь, не орите, скандала не поднимайте, а то он с балкона спрыгнет – там низко и газон внизу. Тогда хрен вы его поймаете. Лучше позвоните культурненько и спокойно скажите, что вы насчет нового заказа договориться.

– Какого еще заказа...

– А вам не все равно? Вам какая разница? И кончайте реветь. Вы хотите мужика на месте преступления застать или нет? Ну так собирайтесь и поезжайте. Понятно?

– Нет! Я не хочу! Зачем вы мне позвонили? Я не верю! Неправда! Этого не может быть!

– Вот ведь зануда! Все правда. Быть не может, а есть. Твой муж тебе изменяет. Ездит в тайный бордель, к шлюхам, и трахает там всех подряд. Поняла? Не хочешь – не верь. Счастливо оставаться! Сунь голову под подушку и сиди так. Только здоровье береги. Свое женское здоровье!

* * *

– А вы мне не уступите свою полку? – сказала она вместо приветствия и ожидающе уставилась на Алёну небольшими, но очень яркими карими глазами.

Та растерянно моргнула и неуклюже замерла у входа в купе.

Ах ну да, мы немного забежали вперед...

Честно говоря, Алёне потребовалось собрать немало сил, чтобы заставить себя притащиться на вокзал (правда, на сей раз это был не Казанский, а Курский), подняться в вагон и войти в купе. Самое смешное, что она опять ехала в пятом вагоне, как и до Москвы. Спасибо, на семнадцатом месте, а не на двадцать первом, как в прошлый раз, но все же...

все же ноги подкашивались, причем весьма ощутимо. Поезд другой, но точно такие же золотистые шторы на окнах, такая же бордовая дорожка в коридоре, точно так же скомканная сумками-тележками пассажиров. Точно так же гремит музыка, точно так же не хочется даже разбирать, что там, собственно, орут из динамика.

Дверь в купе была закрыта. Алёна постояла минуточку, держась за ручку. Оттуда доносились молодые мужские голоса, и она принялась растерянно оглядываться, словно в поисках помощи. Однако вот прорезался голос женский – веселый, капризный, – и Алёна вздохнула с облегчением. Что бы там ни было на уме у ее теперешних соседей, она будет в купе не единственной женщиной. Так что в случае чего обеим достанется поровну...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.